

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

САПЕР ВНЕДРЕНИЕ

**АЛЕКСЕЙ ВЯЗОВСКИЙ
СЕРГЕЙ ЛИННИК**

Алексей Викторович Вязовский
Сергей Линник
Сапер. Внедрение
Серия «Военная боевая фантастика»
Серия «Сапер», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67963847

Сапер. Внедрение: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»;

М.; 2022

ISBN 978-5-17-150966-8

Аннотация

Страшная осень сорок первого. История изменилась, и появился шанс не допустить окружения наших войск под Киевом. Но Петр Соловьев принял решение остаться в оккупированной столице советской Украины. Ведь здесь ему предстоит выполнить почти невыполнимую задачу. Что может помешать ему дойти до Победы?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	35
Глава 4	52
Глава 5	69
Глава 6	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Алексей Вязовский, Сергей Линник Сапер. Внедрение

© А. Вязовский, 2022

© С. Линник, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

«...Тараканьи смеются усища, и сияют его голенища...» Я смотрел на Сталина и вспоминал стихотворение, которое мне на зоне рассказывал один из невольных учителей. Автора, еврея с труднопроизносимой фамилией, не то расстреляли, не то замордовали в лагерях. Там еще были слова про «широкую грудь осетина». И ничего у него не широкая грудь. Низкорослый, уставший грузин с оспинами на лице, со скрюченной рукой. Желтые прокуренные усы, равнодушные глаза. Мазнул по нам, адъютантам, взглядом, прошел в кабинет. Наши военачальники начали по одному заходить следом. Василевский, Мерецков, Жуков, Буденный...

Кирпонос, тихонько вздохнув, зашел последним.

– А что, Хрущева не будет? – поинтересовался я тихо у адъютанта Жукова, Лени Минюка. Ясноглазый высокий парень мотнул головой, приложил палец к губам:

– Не нашего ума дело. Нет его, и очень хорошо.

Хрущева в войсках не любили. Член военного совета фронта напрямую выходил на Сталина, стучал ему на генералов. А главное, требовал держать и не отводить войска на правом берегу Днепра.

Трагедия киевского котла, в котором сгинут сотни тысяч, становилась все ближе. И как ее предотвратить, я не представлял совершенно. Ведь генералы все понимают. Тот же

Жуков уже предлагал отойти на левый берег. Все видят, как нависают на флангах немцы. Дураков нет. Вот закончится Смоленское сражение – и повернут танки Гудериана на Киев.

Но как сдать столицу Украины? О таком даже говорить вслух нельзя. Крамола.

– Какие планы? Потом обратно в Киев? – Леня поправил китель, посмотрел на наручные часы. – Может, еще успеем в «Метрополь»? Закрепить знакомство?

– А Жуков тебя отпустит? – засомневался я, разглядывая Минюка. Вот кому война нипочем. Налеты, аэростаты в небе, грохот зениток – все ерунда. Главное, успеть в кабак. Познакомились мы возле приемной Сталина, где собирались перед заходом в предбанник. Он, широко улыбаясь, представился: «Леонид! Минюк!» – и подал руку всем присутствующим.

– Наверное, нет, – взгрустнул адъютант. – Потащит в Генштаб. Там, кстати, рядом есть один ресторан, называется...

Голос Лени звучал каким-то фоном. Далеким и нереальным. Я же рассматривал дверь кабинета Сталина. Вот сейчас, собраться с духом, рвануть мимо охраны, зайти к нему и все рассказать. Мол, я из будущего. Дальше будет так-то и так-то.

Останавливало одно. После такого мне не жить. Или жить, но совсем в других условиях. Но как же Вера? Ее тоже пустят под «каток». Да и не только жену, там по площадям бьют. Наверняка и Пирата сактируют. Я невольно улыбнулся, вспом-

нив блохастика. Хотя и предал меня, поменял на Мишу-алкаша, а память оставил о себе хорошую.

«Да и поверят ли мне?» – я вернулся мысленно к разговору с самим собой.

«Кашенко» в часе езды от Кремля, а Лубянка – еще ближе. Скажут: да тебя немцы заслали, чтобы подорвать нашу оборону своими фантастическими рассказами.

Хочешь отвести войска за Днепр? Все ясно с тобой – фашистский шпион!

Рядом с дверью в кабинет прохаживался охранник, что-то вдумчиво писал Поскребышев. У него над столом висел портрет молодого Сталина в буденовке. Я так понимаю, еще времен обороны Царицына.

– Товарищи! – Поскребышев поднял взгляд, строго на нас посмотрел. – Пожалуйста, не толпитесь в приемной, пройдите в соседний кабинет.

Выпроводил адъютантов, чтобы не захламляли помещение. Мы один за другим, гуськом, покорно вышли.

– Ну что думаешь, сдадут Киев? – шепотом спросил Минюк. – Укрепрайоны-то держатся!

– Тебе минского котла мало? Слышал, там тысяч сто сгинуло... – Я прижался разгоряченным лбом к стеклу окна, закрыл глаза.

Каждый час промедления – тысяча жизней. А то и десятки.

Дальше все, словно сговорившись, замолчали. Болтать в

этих кабинетах – себе дороже. Никогда не знаешь, откуда прилетит. Кто-то просто сидел, закрыв глаза, порученец Василевского что-то строчил в блокноте. Вот и я стоял, поглядывая через открытую дверь, пока не дождался наконец выхода Кирпоноса после совещания.

Тот был мрачен, лишь махнул мне рукой: мол, иди за мной.

Я наскоро попрощался с присутствующими, отдельно поручкался с Минюком, пошел на выход из здания Совнаркома. В другой ситуации я бы любовался парадной лестницей, залом Свердлова, видами Кремля, но не сейчас.

Молча мы залезли в «эмку», выехали с территории. Комфронта велел водителю рулить к набережной Москвы-реки. Шофер, конечно, не наш Гриша, дали нам вместе с машиной из правительственного гаража. Как только доехали, вылезли, пошли вдоль кремлевской стены. «Эмка» тихо ползла следом, пока Михаил Петрович не махнул рукой оставаться на месте.

– Я делал кое-какие записи на совещании. – Комфронта протянул мне блокнот. – Оформишь потом все на пишущей машинке. Посмотри, все понятно? А то поправим, пока еще свежо в памяти.

Разбирать каракули Кирпоноса я уже научился, да и с машинкой теперь управлялся намного лучше. Вон в цирке и медведи на велосипеде ездят. Быстро просмотрел записи – ничего особо секретного в них не было. Номера частей, ко-

которые выделялись Юго-Западному фронту, даты формирования и подвоза. Понятное дело, это для меня не особо секретные сведения: каждый день через мои руки десятки таких документов проходили. А для кого другого – так кладезь информации. Комфронта выпросил дополнительный дивизион «Катюш». Судя по всему, «шкодам», буде их вернут в рабочее состояние, придется нелегко обрабатывать укрепрайон. Ну и отлично, найдется чем вести контрбатарейную борьбу. Однако управление войсками оставляло желать лучшего, если такие вопросы приходится решать аж на уровне Сталина.

Я тяжело вздохнул, потер руками глаза.

Кирпонос мрачно зыркнул:

– Чего завздыхал? Бардаку нашему печалишься? Правильно делаешь.

– Вы мне так доверяете? А если я стучу?

– Такие, как ты, не доносят, я вашего брата знаю. Военная косточка... А если и стучишь, то хрен с ним. Расстреляют, и ладно, – махнул рукой комфронта. – Заслужили. Столько лет готовились к войне и так бездарно ее начали... Просрали все что можно. Пашка Рычагов уже арестован. Сидит на Лубянке... Павлова тоже взяли. Говорят, уже исполнили его.

– Западный фронт – самый бедовый, – согласился я, кивнув. – Только расстрелами генералов дело не спасешь...

– А чем спасешь? – горько, сам себя, спросил Кирпонос. – Все разваливается к чертям собачьим.

– В маневренной войне мы немцам не соперники. Пока не

соперники.

– Это почему же?

– Связь хреновая. Да в истребительной авиации сильно отстали. С противовоздушной обороной тоже.

– Тоже мне... Америку открыл. Это тебе любая бабка на базаре расскажет перед тем, как ее заметут за пораженческие настроения.

– Вон бросили мехкорпуса навстречу Клейсту, – проигнорировал я замечание комфронта. – И что? Сколько дошло после немецких штурмовок?

– Делать-то что, стратег?! – Понятно, что Кирпонос считает наш разговор какой-то игрой, больше себя слушает. Кто же всерьез будет воспринимать советы старлея, у которого стратегического мышления ноль целых хрен десятых?

– Если брать стратегию, то играть от обороны. Умно играть. Дайте приказ войскам, особенно танковым подразделениям, действовать из-за засад. Не пробиваться в случае окружения строго на восток, а бить по железнодорожным станциям, перерезать дороги, взрывать мосты... Партизанская тактика, понимаете? Слабое место немцев – коммуникации. Если не можем в воздухе, надо действовать на земле. Посмотрим, как их танки будут рвать нашу оборону без бензина и дизельного топлива.

– Ну, это дельно, впрочем, обсуждалось уже. – Михаил Петрович заинтересованно посмотрел на меня. – НКВД работает над созданием отрядов диверсантов.

– Этого мало. Вы можете своей властью формировать такие подразделения. Там ничего сложного. Один снайпер, пулеметчик, радист, сапер. Плюс командир группы. Пять человек. Десять дней – боевое слаживание; грузят на себя взрывчатку, патроны – и в немецкий тыл отправляются. Даже выбрасывать не надо – фронт еще не устоялся, пройдут и так. Понятно, это людей на смерть посылать, а только что еще делать в такой ситуации?

– Снайперских винтовок мало, раций и того меньше... Ладно, подумаю. Хороший совет, Петр Николаевич. По делу. Может, и сработает.

Кирпонос помолчал, потом внимательно на меня посмотрел, поинтересовался:

– Что еще?

Ладно, раз сегодня день советов...

– Нужен дешевый штампованный автомат. ППШ не подходит, слишком сложный, дорогой. Да и редкий он.

– Это еще зачем?

Затем, что я всю войну прошел с ППС. Отличная машинка, то, что нужно в окопах.

– Как немцы атакуют? Сначала артналет. Выбивают станковые пулеметы. С пятисот-восьмисот метров подключаются наши ручные пулеметы. Но их мало. Решающая дистанция – две сотни. На ней надо создать высокую плотность огня. Но как? Не из «мосинок» же...

– Короче, нам нужен аналог немецких МР. – Кирпонос

уже забыл, что перед ним старлей, мои советы у него отторжения не вызывали, видать, слишком близко к его мыслям пришлись.

– Да. Делать их как можно больше. Как и минометов. Это будет основное оружие пехоты.

– А что по танкам? Ты же бился на броне у Христиновки...

– Тут тоже Америки не открою. Война долгая будет. И мы, и немцы будем наращивать толщину брони и калибры пушек. Гонка меча и щита. Необходимо уже сейчас требовать новую пушку для Т-34: с тем обрубком, что у танка есть, много не навоюешь. Пока поставят, испытают...

Мы еще долго говорили, гуляя по пустынной набережной. Даже обед пропустили.

В какой-то момент Кирпонос спохватился, посмотрел на часы, бросился назад к машине.

– Опаздываем! Гони на Лубянку!

* * *

Вот уж не думал, что в один день увижу и Сталина, и Берию. Последний, в отличие от хозяина Кремля, был благодушен и гостеприимен. Нам налили чаю, принесли бутерброды с колбасой. Нарком молчал, пока накрывали на стол.

– Знаю вас, военных, – улыбнулся нарком. – Все в делах да заботах. Даже поесть некогда. Профессиональная болезнь – язва желудка. У чекистов, впрочем, тоже.

Грузинский акцент в голосе Берии был практически не слышен – говорил он чисто. Не так, как Чхиквадзе, тот по разговору совсем русак был, а как диктор на радио. Понятно, что русский для него неродной, слишком правильная речь. Улыбался Лаврентий Павлович тоже вроде искренне. Хотя из-под очков нет-нет да сверкнет что-то острое, опасное. Будто змея рядом притаилась и вот-вот ужалит.

Пока пили чай, я увидел на столе наркома раскрытую папку. А в ней те самые документы, что я взял с трупа эсэсовца под Шепетовкой.

– Как раз на эту тему и хотел переговорить. – Берия заметил мой взгляд, полистал бумаги. – Документы очень важные, я бы даже сказал, взрывоопасные для немцев. Мы тут с товарищами обсудили. Хотим их обнародовать.

– А мы для чего нужны? – поинтересовался Кирпонос, прихлебывая чай вприкуску с сахаром. – Петра я вам не отдам. Да и не стоит ему светить свою личность перед иностранными корреспондентами. Ведь вы и их хотите пригласить?

– Только их – пусть англичане, да и американцы, взглянут с другой стороны на монстра, которого взрастили.

– Евреев надо срочно эвакуировать из города, – не выдержал я, отложил бутерброд. – Вы же читали планы немцев на счет них.

– Значит, вы не верите, что мы удержим Киев? – тут же встрепенулся Берия, нехорошо улыбнулся.

Кирпонос чуть не поперхнулся чаем, закашлялся. Я стукнул его по спине, один раз, другой...

– Прошу не задавать таких провокационных вопросов! – твердо сказал комфронта, после того как отдышался. – У нас есть директива Ставки, город никто не сдает!

– Насчет Минска тоже много было приказов, – пожал плечами нарком. – Только некоторые военачальники их по какой-то причине не выполнили. Ну ничего, мы скоро выясним почему...

– Не надо нас пугать! – привыкся Кирпонос.

– Что вы! – всплеснул руками Берия. – Даже мысли не было. Тем более у нас у самих в наркомате есть резервный план на случай падения Киева. В городе будут работать несколько групп наших товарищей, которые заминируют все важные объекты. От военных нам требуется координация и взрывчатка. Это указание Ставки.

– От нас все координировать будет старший лейтенант Соловьев, – тут же нашелся Кирпонос. – Тем более что он и сам из военинженеров. Ему, так сказать, и карты в руки.

– Знаем, знаем. И о подвигах его слышали. Боевой старлей, – покивал нарком. – Это решили, тогда надо обсудить мероприятие для журналистов. У нас есть очень талантливые актеры в штате, которые сыграют роль Петра. Но их нужно ввести в курс дела, так сказать, проконсультировать. В этом и будет заключаться ваша помощь.

– Это можно, – согласился комфронта. – Оставлю вам Со-

ловьева, он все обскажет.

– Вы как, кстати, наградили его за документы? – Берия постучал рукой по папке с бумагами. – Там же еще и крупная сумма в немецких марках была захвачена, уничтожено командование зондеркоманды.

– Я не один их уничтожил, – пришлось опять вклиниться в беседу руководства.

– Я знаю, читал рапорт. – Нарком задумался, побарабанил пальцами по столу. – Ладно, этот вопрос мы решим. Представление я сам подам вашему начальству.

– Я его начальство, – хмыкнул Кирпонос. – И Петр совсем недавно получил «Красное Знамя». Мерецков не поймет, если подряд сразу два высших ордена дать.

Я сочувственно посмотрел на Кирпоноса. Ни для кого не было секретом в Киеве, что наш комфронт конфликтует с главой Генштаба. Поэтому и не хочет подставляться.

Берия поднял трубку телефона, вызвал секретаря:

– Пётр, ты иди, поработай с нашими товарищами... – Лаврентий Павлович кивнул на дверь.

Дескать, не твоего ума дело, что тут дальше твориться будет. Понятно. Что же, поработаем. Меня отвели на второй этаж в просторный зал, где я нос с носом столкнулся с... Паулем Блобелем. Тем самым штандартенфюрером зондеркоманды, которого санитар Юра покрошил из пулемета под Шепетовкой. Не с самим фашистом, конечно, а с его большой фотографией на стенде у входа. Рядом висели фотоко-

пии бумаг зондеркоманды, некоторые места были в них специально подчеркнуты.

А хорошо чекисты подготовились! Увеличили фотографию с документов штандартенфюрера, дали пояснения на русском языке рядом.

Меня познакомили с двумя лейтенантами. Один от НКВД, другой со значками инженерных войск на кителе. Последний чем-то был похож на меня: такой же рост, цвет волос и глаз. Разве что помоложе лет на десять. Но поставь нас рядом, и многие бы сказали, что мы с ним – близкая родня. Оба чекиста принялись вьедливо и подробно расспрашивать обо всем, что предшествовало бою, о самой схватке. У них был рапорт, который написал политрук Певцов и переслал по инстанциям. На нем и базировалась беседа. Интересовались всем: как удалось прочитать документы, где конкретно происходил потом прорыв. Мне даже пришлось уточнять место на карте.

– В принципе, все понятно, трудностей быть не должно, – подытожила моя «копия», выкладывая на стол чемодан с марками. – Ждем товарищей из НКИДа с журналистами и начинаем. А тебе, Пётр, большое спасибо. Завтра купи «Правду», будет интересно почитать.

Опять в сопровождении сотрудников я вернулся в приемную Берии. Ждать практически не пришлось. Уже через десять минут из кабинета наркома вышел довольный Кирпос.

– Принято решение начать эвакуацию еврейского населения из Киева, – тихо сообщил он мне. – Уже сейчас практически полностью выведены те, кто относился к различным организациям. Научные работники тоже, само собой. Теперь оперативно будут вывозить тех, кто оказался, мягко говоря, бесхозным. Конечно, не в ущерб основному потоку, но и забывать про них не будем. Ладно, разговорились мы. Я сейчас в Генштаб, а ты...

– Товарищ генерал! – взмолился я. – Отпустите жену по-видать! Она тут рядом, в Лефортовском военном госпитале!

– У Бурденко?

– У него. Ведет научно-практические конференции для врачей.

– Тогда так. – Кирпонос посмотрел на часы. – Дальше я сам. На сегодня свободен. Завтра в девять утра чтобы как штык был в гостинице. В одиннадцать вылетаем обратно с Кубинки. Вопросы?

– Вопросов нет, товарищ генерал! – обрадованно ответил я.

Поблагодарив комфронта, я на крыльях любви рванул в Лефортово.

Глава 2

Пока ехал, достал кошелек и еще раз проинспектировал содержимое. Картина была грустная. Денежное довольствие нам выплатили, но большую часть средств я отдал Вере, когда она улетала в Москву. На обустройство, на теплые вещи. Зиму сорок первого года помнил крепко. Генерал Мороз здорово прошелся не только по немцам, но и по нам тоже. Сколько было обморожений – не сосчитать! Военных, конечно, оденут. Валенки будут, полушубки. Но под него хорошо бы свитерок какой-нибудь, шарфик шерстяной неуставной.

Просить что-то у Кирпоноса я считал ниже своего достоинства: он и так дал мне всяких благ выше крыши, взял к себе адъютантом. Да, последнее было продиктовано чувством благодарности за спасение из перевернутой машины, и провезение мое он тоже признался, но, тем не менее, мне грех было жаловаться. А уж тем более не стоило наглеть.

Однако четыреста двадцать рублей быстро кончились. На лефортовском рынке цены кусались. Купил за пятьдесят рублей полбуханки хлеба, за триста – бутылку красного грузинского вина. Вот и все. Пришлось протискиваться через толпу, искать часового мастера. Они вместе со стоматологами занимались скупкой золота.

Нашел, подмигнул. Я показал царский червонец, и он тут же закрыл изнутри свою каморку. Запасы немецкого аса, что

гнил где-то под Львовом, таяли, но экономить их смысла не было. Никто не знает, что будет завтра.

Глаза у мастера загорелись, но дело он свое знал крепко. Потер червонец о пробирный камень, капнул кислотой. Торговался довольно бодро. В итоге сошлись на девяти тысячах. На всякий случай я перед походом переложил в карман пистолет, но все обошлось – расплатился скупщик со мной быстро и без обмана. Тут уж я почувствовал себя богатым. Купил в подарок Вере теплый оренбургский платок, добил сидор салом, консервами, яблоками. Проходя мимо миниатюрной женщины лет шестидесяти, державшей в руках почти новый тулуп, остановился, рассмотрел повнимательнее. Не очень большой, Вере подойдет. Пусть греется! Вместе с продавщицей покупку так свернули и увязали бечевкой, что я без труда нес подарок любимой под мышкой. В коммерческом магазине взял к чаю какой-то бисквит. Не знаю как на вкус, зато название в тему – «Сандвич Полет». Эх, «полетаем» мы с моей рыженькой. Соскучился.

И еще осталось довольно прилично денег про запас.

Потом, прикинув время и расспросив у прохожих дорогу, направился к госпиталю.

Внутри меня пустили без проблем. Старенький вахтер почтительно приподнялся, приложил руку к фуражке. Велеречиво объяснил, куда идти.

У Бурденко в главном корпусе был выделен целый этаж под учебу. Я нашел нужную аудиторию, прислушался.

Из-за плотно прикрытых дверей слышались голоса – шла лекция. Вера что-то объясняла врачам, но что именно, я так и не понял. В этих терминах я понимал только союзы и предлоги.

Никакого звонка, разумеется, тут не было. Просто в один момент народ зашумел, начал выходить наружу. Я спрыгнул с подоконника, пригладил волосы.

В коридоре образовалось обилие молодых врачей, в основном девушек лет двадцати. Все с любопытством начали стрелять в меня глазками.

Вера увидела меня, бросилась на шею, расцеловала.

– Надолго?

– На один день. – Я тяжело вздохнул. – Завтра утром обратно. Отпроситься сможешь?

С удовольствием осмотрел любимые округлости под коротким белым халатом. Хороша у меня жена!

– Сегодня еще одна врачебная конференция, и все. Подождешь? Я тебя в ординаторской устрою.

Жена отвела меня к хирургам, потребовала любить и жаловать. Мне тут же налили чаю, дали кулек с сушками.

Вера убежала, а врачи начали пытаться, за что я получил «Знамя» и как там вообще дела на фронте. Сводки Совинформбюро все, разумеется, слушали, но хотели узнать подробности от очевидца событий.

Рассказал пару смешных баек, напился чаю. Да так, что даже пришлось сбегать в туалет.

Наконец, жена закончила обучать врачей, прибежала за мной. Взяла под ручку, и мы пошли по длинному коридору госпиталя на выход. Встречные санитарки с завистью глядели на Веру. А на лестнице мы столкнулись с целым корво-енврачом. Везет мне сегодня на начальство. И Верховного Главнокомандующего видел, и комфронтот видел, и с генеральным комиссаром госбезопасности чай пил. А теперь вот нос к носу с главным хирургом Красной Армии рядом стою.

– Здравствуйте, Николай Нилович, – улыбнулась ему Вера.

– Здравствуйте, Вера Андреевна, – устало ответил он. – Все хорошо там у вас, на курсах? Надо будет завтра зайти к вам.

– Познакомьтесь, это мой муж, Петр, вот с фронта на денек приехал.

– Так что же я вас задерживаю? – улыбнувшись одними губами, ответил Бурденко. – Идите, отдохните вместе, если всего один день.

– Меня тут пристроили в женском общежитии. – Мы вышли на улицу, вдохнули чистый, без карболки, воздух. Лето заканчивалось, даже не верилось, что где-то там, на западе, сейчас гибнут десятки и сотни тысяч людей в самой кошмарной войне за всю историю человечества.

– Я упросила девчонок переночевать у подруг. – Вера обернулась ко мне, слегка покраснела. – Сказала, муж приехал с фронта. Они все поняли.

– А меня пустят в общежитие? – усомнился я.

– Из дирекции уже позвонили. – Жена сжала успокаивающе мой локоть.

Мы немного побродили по городу, Вера выступала в роли гида. Показала мне Екатерининский дворец на Яузе, храм Петра и Павла...

За спиной висел набитый продуктами вещмешок, рядом, держась за руку и улыбаясь, шла моя любовь, внутри было ожидание чего-то хорошего и светлого. Если бы не эта поганая война...

Когда пришли в общежитие и поднялись на третий этаж, сердце выдало пулеметную дробь. Прямо как у пацана вспотели ладони. Зашли в комнату – она показалась маленькой. Метров двадцать с небольшим. Четыре аккуратно заправленные кровати, два письменных стола, вещи висят на стенах, на крючках. Сюда бы шкафы, но куда их поставить?

Я под благодарные поцелуи подарил Вере платок, отдал на ревизию вещмешок. Ну, и тулупчик пришелся почти впору! Чуть широковат в плечах, но это не страшно.

– Ой, яблоки!

Мне кажется, жена антоновке обрадовалась даже больше, чем бисквиту и платку.

Пока Вера накрывала на стол, я вышел в коридор, проинспектировал места, так сказать, общего пользования. Чистенько, но бедно.

Иду по коридору, слышу из-за одной двери: «Объясните

мне!» И потом снова то же самое. И еще не раз. Да голос противный, въедливый.

Вернувшись в комнату, спрашиваю:

– Кто это там у вас все требует, чтобы кто-то что-то объяснил?

– А, так это новенькая наша, Елена Николаевна, – засмеялась Вера. – Недавно в начальницы мелкие вырвалась, так теперь вырабатывает командный голос. Сядет на стул, скорчит рожу, будто только что кусок дерьма съела, и заводит своё «Объясните мне!». Так, не отвлекайся, я уже на стол накрыла!

Я быстро оценил сервировку и тут же впился губами в шею жены. Наслаждаясь таким знакомым запахом, нащупав на талии поясок, развязал его и, расстегнув пуговицы платья, покрыл поцелуями плечи и грудь любимой.

Вера охнула, тоже принялась меня целовать. До ужина дошли только спустя час.

* * *

Уезжал со слезами. Утром Вера вскочила ни свет ни заря, начала готовить завтрак. А в глазах уже мокрота. Раньше такого за ней не замечал.

Успокоил как мог, оставил деньги, что выручил за продажу золота: мне все равно в Киеве они не нужны, я же на полном довольствии состою в штабе.

На выходе обнялись, жена долго не отпускала.

– Прости, не знаю, почему расклеилась. Плохие предчувствия.

Вера шмыгнула носом, достала платок.

– ВСЕ! БУДЕТ! ХОРОШО! – Я прямо излучал оптимизм. Вернее, пытался.

Чтобы отвлечься от тягостной сцены расставания, купил, как рекомендовали старшие товарищи, «Правду». А там на развороте: «Подвиг лейтенанта Соловьева». Большая статья про бой на Хрестиновке и уничтожение зондеркоманды. Журналисты почему-то объединили два этих эпизода, а выход из окружения вообще выкинули. Не было его.

Ну и большая порция хвалебных слов, «так победим» и все такое прочее. Фотографий нет, я остался инкогнито.

Когда подлетали к Киеву и закончилась болтанка (пилот стерегся немецких истребителей и шел в облаках по приборам), показал статью Кирпоносу. Тот изучил статью, но только неопределенно хмыкнул. Никаких комментариев не последовало.

Зато уже в Киеве Масюк чуть руку не оторвал – так тряс.

– Ну ты и герой! Могли бы орден Ленина дать за такое, жмоты.

Раскрытая «Правда» лежала на столе адъютанта.

– Как у вас тут? – поинтересовался я, меняя тему. – Новости из УРов есть?

– Стоят, – коротко ответил Аркаша. – Тут такое дело...

Договорить он не успел: в приемную заглянул Чхиквадзе.

– Петр Николаевич? Приехали? Очень хорошо, срочно нужна ваша помощь! – сказал он, явно о чем-то беспокоясь.

– Что-то случилось? – недоуменно спросил я. Просто никак не мог себе представить, какая помощь от меня нужна osobistам. – Сейчас командующий...

– Все после, Петр Григорьевич. – Особист принял серьезный вид. – Немедленно поезжайте в военно-клинический госпиталь, там наши разведчики какого-то офицера немецкого притащили. Взяли его неаккуратно, прострелили легкое.

– А я тут причем?

– Вы же по-немецки говорите? Эмилия Карловна вас очень хвалила. Начнете расспрашивать. А у нас совсем с кадрами затык. А то помрет немец и ничего рассказать не успеет. Из генерального штаба, оберфельдинтендант, фон Брок. Сами понимаете, медлить нельзя. Пока переводчика привезут, три раза помрет. Давайте, там наш сотрудник ждет.

– Ну так Эмилию Карловну и пошлите, – пожал плечами я. – Она же лучше язык знает.

– Погибла Эмилия. – Тень напозла на лицо Чхиквадзе. – Разбомбили ее дом. Тело до сих пор не нашли.

Рядом тяжело вздохнул Масюк.

– Пусть земля будет пухом. – Я встал, поправил гимнастерку. – Я готов.

– Поторопитесь. Машина у входа.

* * *

До военно-клинического госпиталя домчались мигом. Вместо одного из корпусов была огромная куча битого кирпича, с десяток человек медленно ее разбирали. Рядом лежало несколько обезображенных трупов. Их даже никто не потрудился накрыть простыней или одеялом. Меня встречал какой-то пожилой доктор с серым от усталости лицом.

– Начальник хирургического отделения Пестель, – представился он.

«Надо же, знатная фамилия, хоть и дворянская».

Он приоткрыл дверь, пригласил пройти за ним.

Я тоже представился, спросил, как чувствует себя пленный.

– Плох. Прострелено легкое. Состояние мы пока стабилизировали, но требуется срочная операция, иначе он просто утонет в своей крови.

– После которой он может не очнуться?.. – уточнил я.

Хирург лишь развел руками. Мол, на все воля Божья.

Меня провели в палату, где лежал лысый пузатый немец с перевязанной грудью. Его бледное, почти серое лицо было мокрым от пота, он что-то шептал, пялясь в потолок. Из-под повязки торчала трубка, другой конец которой был засунут в бутылку с водой. Рядом с кроватью стоял стол, два стула. На-

встречу мне поднялся военный с петлицами старшего лейтенанта артиллерии. Вроде видел я его в управлении.

– Доброе утро, – поздоровался я, подходя к столу.

Дверь за мной осторожно закрыли, наверное, Пестель.

– Приехали? – подал мне руку старлей, или кто он там, в особом отделе. – Хорошо. Послушайте, подождите меня минут десять, мне там кое-что доделать надо, я приду, и мы тут начнем. Стенограмму я сам писать буду, обучен. Добро? – И, не дожидаясь ответа, ушел, прикрыв за собой дверь.

Немец что-то бормотал себе под нос про тридцать составов с горючим, которые нужны немецкой армии в день для наступлений. А дают только двадцать семь...

– Name?! – пробудил я его из забытья. Оберфельдинтендант открыл глаза и тут же вернулся к обсуждению с самим собой количества поездов.

На мои вопросы фашист не реагировал, продолжал бредить. Кого тут расспрашивать? Я подошел к окну, задумался. Надо решать быстро. Судьба подкинула мне шанс. Но я вступаю на такой тонкий лед... Что и сказать страшно. Рискнуть или нет?

Выглянув наружу – в коридоре было пусто, – я плотно закрыл дверь, схватил лежавшую на тумбочке клеенку, бросил ее на лицо немца, потом вытащил у него из-под головы подушку и прижал ее к клеенке, навалился всем телом. Фашист захрипел, задергался. Я легко его удерживал, прижимая все сильнее к постели. Спустя пару минут фон Брок дернулся

последний раз и замер. Я подождал еще какое-то время, затем аккуратно снял подушку, приложил руку к артерии на шее. Мертв. Поднял с пола упавшую клеенку и аккуратно положил ее на место.

Засунул подушку ему под голову, быстро вышел из палаты. На медицинском посту сидела белокурая медсестра, что-то быстро писала.

– Доктора позовите, – сказал ей я. – Что-то немцу совсем тяжело, умирает вроде.

Она вскочила, побежала куда-то, крича на ходу: «Доктор! Доктор!»

Через несколько секунд из кабинета выбежал Пестель, за ним еще кто-то, вскоре к палате фон Брока мчалась целая толпа.

Впрочем, вся суeta тут же и кончилась: доктор признал немца самым мертвым из присутствующих, и все разошлись. Тут и вернулся старлей, наверное, закончив свои неотложные дела.

– Умер? – спросил он, замерев в дверном проеме. Выглядел он не очень расстроенным.

– Да, но перед смертью успел кое-что рассказать, – ответил я. – Сейчас запишу, пока не забыл ничего.

Я схватил лист бумаги и начал быстро записывать. Особист подошел поближе и попытался рассмотреть, что же я там услышал.

– Извините, но это сведения уровня комфронта, – вежли-

во сказал я, прикрывая написанное рукой. Старлей тут же отошел в сторону. Сам понимает, что не все тайны приятно знать.

– Ну вот, все. – Я отложил в сторону бумагу и положил карандаш на стол. – Давайте его документы, я сдам в управлении.

Машина стояла у крыльца. Хорошо, что времени прошло немного и не пришлось ждать, пока прогреется двигатель. Так что добрались обратно быстро.

Я сразу же рванул в приемную. Не отвечая на вопросы Масюка, я бросился к пишущей машинке, отстукал быстро рапорт.

– Да что случилось-то?! – Адъютант подошел ближе, заглянул через плечо.

– Беда, Аркаша, большая беда. – Я выдернул листок из-под каретки, пошел к кабинету Кирпоноса.

– Ты куда? Там совещание! – только успел крикнуть Масюк, а я уже рвал дверь на себя.

Комфронта вместе с начальником штаба фронта рассматривали оперативную карту.

– Какого хрена? – невежливо поинтересовался Тупиков, низенький генерал-майор с большим мясистым носом и грустными глазами. – Тебя не учили стучаться?

– Да, Петр, что за... – Кирпонос осекся, увидев мое лицо. – Да что случилось-то?! Тебя Чхиквадзе отправил допросить какого-то немчика, там...

– Так точно, делегата связи от самого Гудериана. Для согласования операции по окружению Юго-Западного фронта.

Военачальники посмотрели на меня как на идиота.

– Гудериан наступает на Москву... – первым нарушил молчание Тупиков.

– Уже нет. Двадцать четвертого он повернул на юг. Всеми тремя группами.

Кирпонос посмотрел на меня, потом на карту. Затем на отрывной календарь. На нем красовалась дата – 27 августа.

Генералы продолжали молчать, я протянул рапорт. Его никто не взял, пришлось класть на стол.

– Да не, врешь, – произнес начштаба. – Не может такого быть. Немцы до холодов собираются взять Москву. Еременко их сдерживает...

– Да, это деза, – поддержал его Кирпонос. – Чистой воды деза.

– Фон Брок утверждал, что присутствовал на расширенном совещании в ставке Гитлера под названием «Волчье Логово». – Я продолжал напирать. – Директива о повороте Гудериана подписана Гитлером несколько дней назад.

Собственно, мне даже не пришлось ничего придумывать: в своей «прошлой» жизни я воевал на Юго-Западном фронте, знал, какой шок вызвали у руководства «клещи» Гудериана и Клейста. Последний пока не был опасен, только к двенадцатому сентября он умудрится за одну ночь построить огромный понтонный мост на Кременчугский плацдарм

и перебросить на него танки. К этому времени Гудериан уже две недели будет пылить от Брянска к Конотопу, практически не встречая никакого сопротивления.

– Да нет, врешь... – опять повторил Тупиков. – Если Гудериан рискнет так растянуть коммуникации, Еременко легко подрубит этот клин.

Кирпонос взял мой рапорт, вчитался. Потом просмотрел документы фон Брока. Задумался.

– Этот Еременко больше трепаться мастер, чем дело делать. – Комфронта бросил бумаги на стол, яростно почесал в затылке. – Ничего он никому не подрубит.

– Весь блицкриг фашистов прахом идет, если они повернут к нам, – заметил начштаба. – Окружить нас теоретически можно, но практически – это срыв зимней кампании. Какая уж тут Москва до холодов. Да и зачем мы им?

– Фон Брок говорил, что Гитлер не верит во взятие Москвы без поставок топлива из Румынии. А ее нефтяные поля уничтожают наши бомбардировщики из Крыма. Для атаки Москвы, – тут я очень вовремя вспомнил бред немца, – нужно тридцать составов с топливом в сутки. Сейчас поставки только двадцать семь, а дальше будет только хуже. А сколько топлива сожрут танки в условиях городских боев – не мне вам рассказывать.

Я подошел ближе к столу, продолжил:

– Крым не взять без решения вопроса с Юго-Восточным фронтом. А тут у нас выступ, войска за Днестром – такой по-

дарок немцам.

– Нет, не верю, – покачал головой Кирпонос. – Надо этого фон Брока повторно допросить.

Комфронта поднял трубку, попросил его соединить с Чхиквадзе.

– Реваз, я хочу допросить фон Брока. Лично. Тот такие сказки рассказывает Соловьеву... – Михаил Петрович переменялся в лице. – Как умер?! Не может такого быть... Да я знаю, что он в грудь раненный, но Соловьев же... Ладно, понял. Да, хорошо. Что фон Брок рассказал Петру? Я тебе потом перезвоню.

Комфронта задумался, разглядывая меня.

– Информация такая... ну, странная очень. Да, я знаю, что ты спец по странным сведениям, обожди, мне переварить все надо.

Кирпонос посмотрел на Тупикова, как бы спрашивая, что ему делать. Новая реальность с трудом, но все-таки входила в мозги военачальников.

– Ну, теоретически мы можем послать авиаразведку в сторону Брянска, – наконец прервал молчание начштаба. – Но если Гудериан повернул... Михаил Петрович, это же катастрофа! У Двадцать первой армии девять танков, не больше сотни пушек... Она ослаблена и растянута!

– Танковые корпуса немцев пройдут через Двадцать первую как раскаленный нож через масло, – мрачно произнес Кирпонос, взял карту. – Даже не заметят. И остановить

их негде. Одни поля.

– Ну, теоретически есть где, – не согласился Тупиков. – Мосты через Десну и вот через эти небольшие речки... – Карандаш начштаба ткнулся в несколько мест карты. – Можем перекинуть еще три стрелковые дивизии на Чернигов и Котоп. Последний так и вовсе успеем укрепить и зарыться в городе.

– Гудериан легко обойдет его и отрежет эти дивизии.

– Тогда надо усилить танками. Чтобы они делали из города вылазки, били коммуникации.

Военачальники склонились над картой, начали спорить, а я тихонько вышел из кабинета. Буквально стек на стул. Неужели сработало и мне поверили?

– Ну что там? – Масюк буквально лучился любопытством.

– Жопа там, Аркадий. Огромная такая, бугристая.

* * *

Долго сидеть мне не дали. Да и Масюку тоже. Сначала адъютанта заставили дернуть начальников разведки фронта и 21-й армии. Потом прибежал обеспокоенный Чхиквадзе, зыркнул на меня подозрительно.

И уже через пять минут – добро пожаловать обратно в кабинет комфронта.

– Я вот хочу понять... – Особист крутил мой рапорт так и сак, чуть ли не на зуб его пробовал. – Почему фон Брок

решил тебе, Пётр, вдруг признаться?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Мне кажется, он уже, так сказать, смотрел в вечность. А в такой момент люди многие свои тайны готовы раскрыть.

– Поэтично, поэтично, – кивнул Чхиквадзе. – А ну-ка, расскажи еще раз. Этот фон-барон точно доверенное лицо Гудериана?

– Главный снабженец. – Я поднял глаза, как бы вспоминая. – Я так понимаю, фон Брок ехал к Клейсту договориться «на берегу», чтобы в ходе наступления не драться за поставки топлива. Чтобы без подковерных игр.

Военачальники переглянулись, опять схватили карту.

– Надо усилить наблюдение за Кременчугским плацдармом. – Тупиков стал себе что-то записывать. – У Клейста самые боеспособные танки во всей немецкой армии. Никаких чешских трофеев, почти одни «троечки» и «четверки».

Кирпонос начал что-то уточнять у начштаба, в кабинет повалили полковники из разведки, меня попросили вон.

Глава 3

В оборот меня взяли тут же, даже перекусить не дали. Чхиквадзе, вовсе не такой благожелательно настроенный, каким был всего час назад, коротко бросил «За мной!» и потащил меня в особый отдел. Когда они переименовались обратно, я внимания не обратил, просто заметил, что с какого-то времени в документах они снова не третье управление, а особысты, как и раньше. Не до смены табличек было – война.

Мы прошли по коридору, по лестнице, еще пара поворотов – и оказались в уже знакомом мне кабинете.

– Садитесь, – кивнул Чхиквадзе на стул. – Вот бумага, ручка, пишите.

– Что писать? – удивился я. – Я же командующему...

– Не валяйте дурака, товарищ старший лейтенант!

В принципе, пока все неплохо, я еще товарищ, и у меня даже оружие не изъяли.

– Все пишите, с той секунды, как мы с вами расстались, до того момента, когда вы прибыли назад в управление. Даже самые мелкие подробности. Если кто-то почесал голову или испустил газы – это тоже не забывайте. Вам понятно?

– Понятно, – безо всякого энтузиазма ответил я и пододвинул лист писчей бумаги поближе. – Ручку замените, здесь же перо с заусенцами какими-то, писать невозможно, – до-

бавил я после попытки написать первое слово.

Чхиквадзе подал мне другую ручку, с новеньким пером, выудив ее из ящика своего стола, и я приступил. «Сейчас, Петя, ты узнаешь, каково это – двигать историю».

Самое главное во вранье – ни на шаг, ни на полшага не менять свои показания. Этому меня учил старый вор в следственном изоляторе. Он снизошел до общения со мной не сразу, дня два блатная служба безопасности проверяла, «прозванивала», кто такой, этот новый сиделец. Ничего в нем не было такого, что показывают в фильмах и книжках про доблестных милиционеров – ни дешевого форсу, ни высокомерия. Простой с виду дядька, похожий на бухгалтера из мелкого колхоза. Морда толстая, лоснящаяся, будто и не в тюрьме сидит. Вот это у меня и были первые занятия в тюремном университете. Та еще школа жизни...

Вот я и писал сейчас, медленно, будто и вправду вспоминал прошедшие события. Понятно, что эту писанину заберут и заставят написать еще раз. И еще раз. Пока перо из рук падать не начнет. Потом будут сравнивать, где что написано, есть ли разногласия, после этого пойдут вопросы с подковыркой, где меня будут пытаться подвести к неточностям и раскручивать эту ошибку. Вот сейчас уже пора поторопить меня, чтобы писал быстрее и времени на раздумья оставалось все меньше. Видать, Реваз Давидович учился в той же школе, что и следаки, пытавшиеся расколоть моего знакомого, потому что не успел я закончить первую страницу, как

он буквально выдернул листочек из моих рук и сказал:

– Петр Николаевич, вы там что, «Войну и мир» писать собрались? Мы так до утра не закончим. Поторопитесь!

– Сами же сказали, любой чох вспомнить, – возмутился я. – А как раз это труднее всего дается.

– Ладно, подробностей про то, как водитель раскурил цыгарку со второй спички и жаловался, что газетная бумага слишком воняет при использовании на самокрутки, не надо, – смилостивился Чхиквадзе. – Только про госпиталь.

– Хорошо, – кивнул я и приступил к новой главе печальной повести.

Вскоре к моему старому знакомому подключился совсем невежливый коллега: представляться мне он посчитал лишним. Впрочем, как и разговаривать со мной. Лет сорока, ничего примечательного, петлицы батальонного комиссара. Они с Чхиквадзе сидели в углу, как голубки, Реваз только успевал дергать из моих рук новые листики, из чего я сделал вывод, что этот новенький – его начальник, и они продолжали шушукаться, склонив головы друг к другу. Их понять тоже можно. Весь ход войны меняется. Целые фронты сдвинутся с места, люди получают новые звания, ордена. Ну а кого-то закопают.

Примерно через час прибежал Михеев, тот самый, что в прошлое мое сидение здесь приносил нам чай и бутерброды. Он передал начальникам пакет, который они немедленно распотрошили и начали изучать. Зуб даю, показания осо-

биста, бывшего со мной в госпитале. Судя по толщине стопки, там, наверное, были еще и показания всех, кто меня там видел.

А у меня при вспоминании о бутербродах от Михеева явно заурчало в животе. Да так громко, что начальники оторвали головы от чтения и посмотрели на меня.

– Извините, – сказал я. – Просто целый день не ел, конфуз вышел.

– Михеев! – громко крикнул Чхиквадзе и продолжил, когда тот засунул голову в приоткрытую дверь: – Три стакана чаю нам принеси. И бутербродов старшему лейтенанту.

Я как раз пошел на второй круг описания допроса оберфельдинтенданта, так что неожиданное подкрепление пошло мне на пользу. Удивительно, но третьего раунда не последовало. Второй экземпляр они даже читать не стали, а дали мне назад первый отчет, и Чхиквадзе сказал:

– Читай.

– Что значит «читай»? – переспросил я. Мне и в самом деле было непонятно, что читать, да и в любом случае репутация туповатого малого при общении со всякими следаками лишней не будет.

– Допрос читай, вслух. В лицах, – зачем-то добавил Чхиквадзе. – Можно без выражения, но не части и не медли, обычно, как разговаривали.

Я и прочитал, не особо-то много там и было, того допроса. Указывал только, что вроде как тут он захрипел и замолчал,

а тут закашлялся. Вот не помню эти хрипы с кашлем, постоянно он задыхался, так что извините, дорогие товарищи.

Особисты слушали, не перебивая, и только когда я сказал: «Тут он посинел, и я пошел звать врача», пришедший подал-таки голос:

– Четыре минуты сорок секунд.

Чхиквадзе кивнул, причем, как мне показалось, довольно, и встал.

– Все на сегодня, товарищ старший лейтенант, – сказал он безо всяких эмоций. – Сдайте оружие и удостоверение. Переночуете на гарнизонной гауптвахте. Завтра продолжим.

Я достал свой ТТ из кобуры и подвинул его по столу в сторону особиста. Потом достал документы. Тот все сгреб аккуратно, открыл сейф, положил на полку и закрыл дверцу.

– Ну все. Михеев! – позвал он. – Отвезешь старшего лейтенанта на гауптвахту, пусть его там разместят. Поудобнее, – добавил Чхиквадзе.

До гарнизонной губы ехать было всего ничего. Михеев сидел впереди, я сзади. Не прошло и десяти минут, как шофер остановился перед воротами мрачного здания за высоким забором на Зеленодольской. Мой провожатый постучал в калитку, через пару минут пришел дежурный, вроде сержант, в темноте не видно. Они пошептались, меня позвали и вежливо провели в камеру для комсостава. Даже портупею не забрали! Да что портупея, из карманов даже вытащить ничего не заставили! Странная губа, однако. Впрочем, каме-

ра выгодно отличалась от солдатской: и койка не убрана, и застелена, кроме одеяла даже простыня с подушкой имеются, полотенце. В углу стояла еще одна койка, на которой кто-то спал, укрывшись с головой. Санаторий, а не гауптическая вахта, доложу я вам. В таких условиях я до конца войны сидеть готов!

Дверь захлопнулась, и я сел на кровать. Сосед мой зашевелился, повернулся и спросил:

– Слышь, земляк, закурить есть?

Какой-то у него странный акцент, и не разобрать поначалу.

– Извини, не курю, – ответил я. Как-то не до чужой нужды в куреве сейчас.

В тусклом свете дежурной лампочки я видел только силуэт соседа. Возраст, даже приблизительно, в такой темени не определить, не говоря уж об остальных деталях.

– Ильяз, – встал тот и протянул мне руку. Камера была не очень большой, даже ходить никуда не надо.

– Петр, – представился я. Общаться особо не хотелось, не до знакомств сейчас.

– Второй день здесь сижу, со скуки скоро сдохну, – объяснил мой сосед. – Газеты довоенные еще, половина на самокрутки вырвана. И можно читать устав гарнизонной и караульной службы. Уж лучше с бойцами на плацу строевой заниматься, честное слово!

Наверное, татарин. Вроде и правильно говорит, но вместо

«ч» у него получается «щ». Щестное слово. И букву «п» он произносит как-то странно, почти «б» получается.

– Татар? – наугад спросил я. Был у нас в бригаде татарин, кое-чего нахватался.

– Эйе! – ответил Ильяз. – Хам син?

– Э-э... я советский человек, – улыбнувшись, сказал я. – Но по-татарски почти не говорю, так, несколько слов знаю.

– Эх, а я думал, земляк, – расстроился сосед. – За что на губу попал?

– Да так, переночевать привезли, – объяснил я. – Вроде ничего не натворил, так, чтобы большим людям поудобнее меня на беседу позвать было. А ты за что?

– Начальника обидел. Не виноват, а обидел, – с грустью ответил Ильяз.

– Это как? – заинтересовался я.

– Ну ты же слышишь, как я говорю? – спросил он. – Я же не виноват, что так буквы произношу. А тут построили батальон на плацу, я дежурный. Командиры приехали, генерал, полковник. Нужные вещи рассказывали. А тут полковнику звонят, срочно зовут. Я, как положено, подхожу, говорю: мол, товарищ генерал, разрешите обратиться к полковнику Ебишину. Все смеются, а он обиделся. Трое суток дал...

Посмеялись, поговорили еще немного, Ильяз рассказал о себе. Оказалось, тоже сапер, младший лейтенант. А еще слесарь, и токарь, и электрик немного, и по строительству. Зо-

лото, а не человек. Но в итоге я попросил прощения: устал очень, сил нет. Сосед лег на свое место, начал устраиваться и я.

Разговор с младшим лейтенантом немного отвлек, но именно что чуть-чуть. Надо подумать, какие у меня плюсы, а какие минусы. Я снял сапоги и лег на койку. Жестковато, конечно, но бывало и хуже. Так, что это было в конце? Понятно, замеряли приблизительное время моего придуманного допроса. А что перед этим было? Принесли пакет. Скорее всего, особист в госпитале расспрашивал, сколько времени я провел в палате один. А они решили сверить эти показания с моими. Да, не точно, плюс-минус минута, но Чхиквадзе вроде был доволен. И что это значит? Кирпонос сказал, что в первый раз Реваз сделал так, как он ему велел, значит, он должен вроде как быть на моей стороне. Ну, по моим подсчетам, пробыл я там минут пять.

Что касается трупа... Наследил я там? Не особо, трогал кровать, клеенку. Даже если пальчики катать будут, ничего удивительного, опирался, поправлял, все объяснить можно. Сделают вскрытие? Да хоть сто раз! Я вовремя вспомнил рассказ Власа, того самого старого вора. Это он научил меня трюку с клеенкой. «Только дураки душат подушкой и надеются, что никто ничего не найдет. Перья, Петя, простые куриные перья, их находят в горле, и менты себе рисуют палку за раскрытое дело!»

Кто знает, что еще там всплывет до утра? Хрен его знает,

товарищ старший лейтенант. Завтра узнаем. А самое главное, утром станут известны результаты авиаразведки. Ночь вон какая: месяц тоненький, новый, зато ни облачка, звезды горстями разбросаны, только летай да смотри, особенно если знать, куда лететь и что смотреть.

Наверное, тут меня и сморило, потому что проснулся я только утром, да и то не сам, а дежурный, младший сержант, зашел и аккуратно потряс меня за плечо:

– Товарищ старший лейтенант! Просыпайтесь! За вами приехали!

Я сел, протер глаза.

– Умыться принеси, – буркнул я.

– Это сейчас, секунду. – Он метнулся из камеры, не закрывая дверь, и принес ковшик с водой, ведро, подал висевшее на гвоздике вафельное полотенце, не очень новое, местами протертое до дыр, да ничего страшного, было бы чем вытереться.

Я плюхнул водой в лицо, прополоскал рот. Воспользовался полотенцем, провел рукой по щеке. Непорядок, конечно, щетина. Но мой вещмешок с мыльно-рыльными принадлежностями остался в приемной, наверное. Аркадий просто задвинул его куда-нибудь, чтобы глаза никому не мозолил. Ладно, нечего тянуть, надо ехать. Чисто выбритое лицо ничем не поможет, если мои слова не подтвердятся. Хотя, конечно, и наказывать меня вроде не за что: ну передал показания умирающего немца, и что? А то, Петр Николаевич, что

гонцам с плохими вестями до сих пор рубят головы.

Ладно, что-то меня не в ту сторону повело. Ничего еще не кончилось. Сейчас все и узнаем.

Из-за утреннего шевеления проснулся и Ильяз, хотя время было еще раннее, до подъема на губе оставалось, наверное, с полчаса.

– Доброе утро, – поздоровался он. – Уезжаешь?

– Да, пора, – подтвердил я, отряхивая с гимнастерки непонятно как прилипшую соломинку. – Как хоть фамилия твоя? А то так до конца и не познакомились.

– Ахметшин. Младший лейтенант Ахметшин, сорок пятый инженерный полк.

– Про полк помню. Ладно, давай прощаться, может, и свидимся еще!

Попрощался с грустным Ильязом, вышел из камеры. Привез меня водитель, наш, из управления, безо всякого сопровождения. Михеев встречал на посту у входа. Я почему-то вспомнил, как мы сюда впервые приехали с Кирпоносом. Вроде и времени немного прошло, а сколько всего наворочено уже. В кабинете меня ждал Чхиквадзе, что-то писал. Увидел меня, перевернул листок написанным вниз и отодвинул в сторону. Я прошел, остановился перед столом.

– Присаживайтесь, товарищ старший лейтенант, – сказал особист. Пока без эмоций, ничего не понятно.

Я сел, Чхиквадзе пошел к сейфу, открыл и достал мои документы и пистолет. Молча положил на стол передо мной.

После этого взял лежащую на стуле папку, посмотрел в нее, потом снова на меня.

– Сведения, предоставленные вами, подтвердились. Благодарим за службу. Можете возвратиться к исполнению своих обязанностей. – И закрыл папку. Зачем она ему нужна была?

Я сгреб вещи, рассовал по карманам.

– Разрешите идти?

– Идите.

Через минуту я был в приемной. Масюк сидел спиной к входу и что-то писал. Дверь кабинета Кирпоноса была открытой, он часто так делал, когда отходил куда-то ненадолго.

– Привет, Аркаша. А где мой вещмешок? А то я никак побриться не могу, хожу как дикобраз. Да и погладиться надо.

– Привет. – Он встал, широко улыбнулся, шагнул мне навстречу. – А я с утра, как сводка прошла, что танки нашли, жду, когда тебя отпустят. Тут у нас после твоего ухода такое началось! Забегали как тараканы! Хрущев приехал, я думал, окно вылетит, так кричал. Что тут одни паникеры окопались, всех расстрелять надо и всякое такое. Ну, ты слышал, знаешь. А утром приехал тихий, хоть и взволнованный, поздоровался, минут десять как уехал.

– Уехали, и хорошо! – раздался густой бас из дверей приемной. Мы с Масюком оглянулись – это был Буденный. Ну прямо так, как изображают на картинке. Усы вразлет, густые брови...

– Здравия желаю, товарищ маршал Советского Союза! – поздоровался Аркаша. Я лишь приложил руку к фуражке, которую не успел снять.

– Здорово, богатыри! Михаил Петрович у себя?

– С минуты на минуту будет, – ответил Масюк. – Может, чаю?

– А давай!

Маршал уселся на место Аркаши, посмотрел на меня:

– А ты новенький здесь, да? Раньше другой был вроде, помоложе.

– Так точно, на этом месте службы недавно. Лейтенант Ювачев погиб.

– А фамилия твоя как? Раз служишь здесь, я тебя должен знать.

– Старший лейтенант Соловьев, товарищ маршал!

– О, так я про тебя слышал! Да ты сядь, что ты тянешься, как на параде? – Буденный показал на стул, на котором я перед этим сидел. – Это же ты узнал про поворот Гудериана?

– Я.

– Да уж... Но молодец, спасибо, выручил здорово. – Он жестом остановил меня, готового сказать, что на моем месте мог оказаться любой. – Как представляю, что Хайнц Виильгельм фланги нам режет... В Ставке, конечно, беготня теперь. Но зато нам дают новые штурмовики Ил-2. Штурмовать колонны Гудериана. Слышал про такие?

– Нет, откуда, – мотнул я головой. Не хватало еще про-

колоться на том, чего сейчас почти никто не знает. Иначе я на такое подозрение попаду... Конечно, про то, что Илы поначалу не очень прижились на фронте, я знал. Рассказывали знакомые пилоты. И технических наставлений не было, и сами самолеты с дефектами. Сам факт того, что за тридцать вылетов давали Героя, уже говорит о многом. Мало кто из летчиков дотягивал до тридцатого, юбилейного. На фронте слухи ходили, что один из полков за один день сразу одиннадцать Илов потерял. Почти все, что перегнали из тыла. Так сказать, поставил рекорд. Потом-то, уже в 1942 году работу штурмовой авиации наладят. Дефекты поправят, пилотов выучат. Но сейчас...

Масюк принес чай, баранки. Буденный, громко отдуваясь, начал пить, взял кусковой сахар, засунул за щеку.

– Что, Хрущ пьет вам кровь-то тут? – Маршал отставил стакан, пригладил волосы.

Мы деликатно промолчали.

– Пьет, пьет, – покивал сам себе Буденный. – Он такой, строит из себя недалекого крикуна да скандалиста, а человек хитрый, скрытный. Вот у Хозяина во время застолий изображает клоуна, гопака танцует, народ веселит, но вот попомните меня...

Что попомнить, мы так и не узнали: в приемную быстрым шагом зашел Кирпонос.

– Семен Михайлович? А я тебя еще вчера ждал.

– Не вышло вчера. Как прилетел из Москвы, сразу к тебе.

– Ну пойдём, есть что обсудить.

Я успел и побриться, и переодеться, а Кирпонос с Буденным продолжали обсуждать новости. Ненадолго к ним присоединился Тупиков, но, наверное, совещание с его участием было запланировано на потом, когда штабные оценят новые данные. Выйдя из кабинета, он не ушел, а остановился около меня. Я прекратил мучить пишущую машинку, встал:

– Товарищ генерал-майор?

– Ты, Соловьев, зла на меня не держи. Сам понимаешь, сведения твои... как снег на голову. Короче, не серчай. – Он развернулся и вышел из приемной. Чудны дела твои, господи: это с каких таких пор генерал у старлея прощения просит? Видать, проняло и Тупикова.

Может, теперь начштаба и поживет подольше, а не ляжет рядом со своим комфронта в сентябре. Мужик он грамотный, отзываются о нем штабные очень хорошо. Я зла на него и не держал. Действительно, мало ли чего в горячке не наговоришь. А ответственность на них висит не в пример нашей.

Наконец, вышел и Буденный. Махнул нам рукой, чтобы не вставали, и ушел. Обычно мы и не вскакивали, если кто заходил или выходил (когда работать, если каждую секунду вскакивать будешь), но все же маршал Советского Союза не каждый день заглядывает.

– Соловьев! Петр! – позвал Кирпонос. – Дверь прикрой, присаживайся, – добавил он, когда я зашел.

Я сел, думая, зачем он меня позвал. Комфронта взял из

стопки на углу стола папку, не верхнюю, где-то из середины, и подвинул ко мне.

– Читай. Думаю, тебе надо это знать.

В папочке было не особо много содержимого. Несколько листочков всего. Сверху лежал мой рапорт, или как его называть, который я вчера писал у особистов. Сейчас в уголке он был подколот скрепкой, чуть криво, и я машинально ее поправил. Синим карандашом кое-где, не очень густо, были сделаны какие-то непонятные мне отметки, но я на них смотреть не стал, все равно сейчас не до того, чтобы расшифровывать чьи-то галочки и крючочки. Так что это я отложил в сторону, ничего нового для меня здесь нет.

Следующим был протокол судебно-медицинского исследования тела фон Брока. Хорошо хоть на машинке напечатан, врачебные каракули разбирать радости мало: врачи карябают как курица лапой. Впрочем, и это не спасло: документ только казался написанным на русском языке, я понимал в нем далеко не все. Вот что такое пятна Тардье? И на кой хрен тут пишут про нерезко выраженное венозное полнокровие внутренних органов? А размеры правой почки сорок пять на сто пять на сорок восемь миллиметров? Это много или мало? А вес сердца триста восемьдесят граммов? Спасибо, это пролистаем. Вот, в конце пишут: данных за смерть от механической асфиксии нет, выявленные признаки неспецифичны. Вот это хорошая новость, а я время тратил на пятна и правую почку вместе с левой. Не обманул Влас, все пра-

вильно насоветовал, сработала клееночка.

А следующим лежал листочек, с которого и следовало начинать. Что ж его Михаил Петрович сверху не положил? Я бы на остальное и внимания не обращал! Товарищ Чхиквадзе, который Реваз Давидович, сообщал благодарному читателю, что при проверке сведений, предоставленных старшим лейтенантом Соловьевым, никаких косяков в его поведении не выявлено. Нет, конечно, там про это все было напечатано русским по белому скучными канцелярскими словами, я вам, друзья, просто перевожу на нормальный язык. Еще раз: Соловьев молодец, нигде не соврал и ничего не нарушил. Дайте ему дополнительную пайку и на просмотр кинофильма с актрисой Орловой посадите в первый ряд.

– Спасибо, товарищ генерал, за доверие, – сказал я, закрывая папку и двигая ее от себя.

– Тебе спасибо, Петр Николаевич, – ответил комфронта и, поднявшись, пожал мне руку. – Сам понимаешь, проверка была обязательна. Даже если бы я или Тупиков такие сведения предоставили, все равно проверяли бы. Все, хватит прохлаждаться, работать давай, а то Масюк тут зашивается уже: видишь, Гудериан к нам едет, торопится, болезный.

– Извините, товарищ генерал, один вопрос еще, – решил я ковать железо, пока начальник добрый.

– Что? – Кирпонос поднял голову.

– Помните, вы в Москве Берию говорили, что я буду участвовать в подготовке взрывных работ с нашей стороны?

– Было такое, помню. Говори уже, не тяни!

– Да я сегодня познакомился с одним младшим лейтенантом из сорок пятого инженерного полка. Толковый парень, рукастый. Нельзя ли его к нам прикомандировать? Пригодится.

– Зовут его как? – Комфронта открыл записную книжку.

– Ахметшин Ильяз, младший лейтенант. Он сейчас на гарнизонной гауптвахте.

– Натворил чего? – Карандаш завис в воздухе.

– Пострадал из-за дикции. – Я рассказал Михаилу Петровичу про полковника и чудесное превращение его фамилии.

– Значит, я буду Кирбоносом? – улыбнувшись, сказал генерал. – Это терпимо. Будет тебе младший лейтенант, жди.

Глава 4

Штаб лихорадило, комфронта теперь ночевал прямо в кабинете – ему принесли кожаный диван. Все были уверены, что Киев удержать получится, но энкавэдэшное начальство уже готовится к сдаче города.

Группы взрывников начали прибывать в первых числах сентября. Откуда? А кто же мне скажет, это вы с такими вопросами куда повыше. Мне не говорили – я не спрашивал. По мне, так и без разницы. Лишь бы свое дело знали. Армейские саперы из отряда Голдовича минировали ближние подступы к городу, и я с ними почти не виделся. Самого полковника, красивого еврея с высоко поднятой головой, я пару раз встретил, когда он приезжал на какие-то совещания.

А вот начальника Голдовича, командующего 37-й армией, я увидел совсем недавно. Знаменательная встреча, дорогие друзья, я даже охренел, не побоюсь этого слова. Когда этот высокий генерал в очках с круглыми стеклами прошел через приемную, я замер, аж дыхание перехватило. Знаете, говорят, в Южной Америке есть змея длиной десять метров. Анаконда. Вот такая мимо меня и проползла. Аркаша заметил мою оторопь, толкнул в бок.

– Ты... знаешь, кто это? – спросил я, глядя на закрывшуюся за генералом дверь.

– Конечно, – сказал Масюк. – Я не только генералов всех

знаю, но и полковников, и даже почти всех подполковников. А уж командармов даже со спины среди ночи узнаю. В том числе и Власова. Крутой мужик. Ты же знаешь, что он командовал лучшей дивизией Красной Армии? За полгода поднял!

Конечно, крутой. А еще он будет шикарно командовать РОА и целовать в жопу Гитлера. И плевать мне, что он немцам под Москвой вломил. И без него найдется кому покомандовать. Может, немцы теперь и вовсе до столицы не дойдут. А гниду эту надо задавить сейчас. Понятное дело, командарм не босяк какой-нибудь, в темной подворотне его втихаря не подловить. Так что надо думать, понемногу выяснять, где, что и как.

Самый простой способ, который напрашивался для акции по устранению этого куса дерьма в генеральском мундире – тот, что мы с Верой провернули в Житомире с диверсантами. Но, немного поразмыслив, я этот вариант отмел.

Во-первых, залезть под машину Власова, чтобы прицепить там гранатку, не получится: во дворе управления постоянно кто-то крутится, от постороннего взгляда не спрятаться. Во-вторых, при таком варианте обязательно пострадают те, кто будет с генералом в машине: водитель, сопровождающие. А своих просто так я убивать не готов. Даже если с ними вместе погибнет такая вот гадина. Ладно, время есть, никуда он от меня не денется. Что-нибудь придумаю. А не получится здесь – в отступление с ним пойду, в болоте приотплю!

Взрывников – армейских и от НКВД – собрали в Доме Красной Армии. Не в концертном зале, конечно, в лекционном, да и то потому, что решили, так удобнее будет. Все равно сейчас здесь ни концертов, ни лекций не проводят. Не до того, и двух недель не прошло, как отбили первый штурм. Я приехал минут за десять до начала, на входе меня встретил младший политрук, проверил документы и провел к месту сбора. В зале сидели человек двадцать: от старшего сержанта до капитана. Видать, кто-то предупредил их, чтобы особо не рассредотачивались, потому что все кучковались вплотную к столу. Я прошел и сел на правом фланге: и видно все, и к двери поближе.

Почти сразу за мной (ждали, что ли?) вошли полковник и майор, прошли к столу, сели. Следом за ними проследовал сержант, который нес прорезиненный мешок с чем-то очень тяжелым: видно было, тащить ношу ему весьма нелегко. Полковник, лет сорока, сутулый, с широкими, по-детски пухлыми губами, что-то тихо сказал ему, когда он поставил мешок на пол, сержант вытащил из него ящик примерно сорок на сорок и высотой сантиметров тридцать и, поставив на стол, отошел в сторону. Из мешка выглядывал таких же размеров металлический прямоугольник.

Полковник откашлялся и встал.

– Товарищи, – начал он. – Вас всех здесь собрали для того, чтобы довести подробности вашего задания. Сведения, которые вы сейчас получите, абсолютно секретные, поэтому никаких записей вести нельзя.

Народ немного погудел недовольно, но совсем чуть-чуть, дисциплина все же, и все быстро зашелестели тетрадами и блокнотами, пряча их назад в планшеты.

– Перед вами то, с чем вы все в ближайшее время будете работать. – Он снял с ящика на столе корпус, под которым оказались какие-то радиодетали. – Это радиоуправляемый фугас Ф-10. Не буду вдаваться в исторический экскурс: с одной стороны, вам это вряд ли поможет, а с другой – эти материалы тоже секретные...

Полковник оказался знатоком своего дела: сначала испугал, потом успокоил. Показал, насколько прибор сложен в конструкции, а потом надел на блок управления, лежащий перед ним, снятый недавно корпус и начал рассказывать так, будто перед ним сидят слабо соображающие дети дошкольного возраста. Уж если после такого рассказа останется кто-то, не понявший, как с этим фугасом работать, то я этих деятелей сразу отправлю назад. Такая власть у меня есть. С оговорками, но имеется.

После теории, как водится, практические занятия. Про Ф-10 я только слышал, работать не приходилось. Очень уж штучный товар, слишком сложная конструкция. Да и ставить такую дуру, где тридцать пять кило только основного

блока, можно только на такие объекты, где на стоимость не смотрят. Потому что за одно такое изделие можно простых мин нашлепать – мало не покажется. Так что работать будем с золотыми зарядами, не меньше!

Через час с небольшим объявили перерыв. Народ потянулся на перекур, я подошел к начальникам, представился.

Полковник протянул руку:

– Старинов, Илья Григорьевич. – Он широко улыбнулся, отчего его лицо вмиг стало добрым и таким далеким от мин, взрывчатки и прочего смертоубийства. – Я у вас на пару дней всего, организовать все и скоординировать. А дальше сами: у меня дел по месту службы не впрокорот.

Ни хрена себе, вот это встреча! Да я теперь эту руку неделю мыть не буду! Дедушка советского спецназа – и со мной запросто! Да этот человек мостов взорвал больше, чем я в жизни видел. А сколько его ребята немецких эшелонов под откос пустили... Да уж, видать, всерьез там наверху обеспокоились, раз такого аса прислали.

Поговорили, решили после занятий поехать и посмотреть места будущих взрывов, как говорится, на местности. Одно дело – на карте, другое – в жизни. Спросил, когда заканчиваем, вызвал из управления машину.

Решив отлить, чтобы ничего не мешало учебе, я зашел в сортир. Там тоже стояли слушатели, смолили сигареты и обсуждали потихоньку то, куда их занесло. Один лейтенант бурно сомневался в реальности затеи: мол, никуда это все не

годится, приборы сложные, хрен его знает, как сигнал пройдет да как среагирует. Короче, разлагал коллектив. Вот же жопа с ручками! Вроде и отбирают их тщательно, и проверяют, и инструкциями по самую маковку загружают, а обязательно найдется вот такой умник, который лучше всех знает, как правильно сделать. Как в том анекдоте: все в говне, и тут выхожу я, весь в белом.

– Лейтенант, представьтесь! – Я решил закончить всю эту байду в зародыше, чтобы никому неповадно было ляпать тут языком вместо учебы.

– Лейтенант Левченко, командир взвода спецминирования Главного военно-инженерного управления, – ответил он, несколько не смутившись. Мол, знай наших, я вон из каких заоблачных высот прибыл, а вы тут до сих пор в местном навозе плаваете.

И тут меня как осенило. Точно, был такой Левченко, известная личность. Его оставили в Киеве для того, чтобы довести дело со взрывами до конца. А потом не то он в плен попал, не то сам сдался и выдал немцам кучу объектов. Рассказал мне об этом Вася Курочкин, мы с ним из окружения выходили. Хороший парень; жаль, погиб в перестрелке, так до наших и не дошел. Из всей группы тогда из города смогли выбраться единицы.

Ладно, лейтенант-спецминер, посмотрел Киев – и хватит. Езжай назад, спасайся от плена. Может, и правда, тебя захватили не по твоей воле. А человек слаб: один раз мошонку

дверью прижмут – расскажешь даже, какой величины лист лопуха был, которым ты в детстве задницу вытирал. А что дурак – так это, говорят, нигде не лечится. Сейчас занятия закончатся, и я тебе организую отбытие на исходную позицию.

Обучение продолжилось. Теперь Старинов рассказывал о закладке мин на неизвлекаемость. Вот это до каждого сапера доводили, было такое. И у немцев метода была. Да у каждого мало-мальски опытного минера свои улучшения имелись.

Помню, в конце сорок четвертого и мы все это немного доработали и улучшили. Без ложной скромности, и мой вклад в том есть. Так что я дождался, когда полковник закончит, и влез:

– Разрешите дополнить?

Старинов глянул на меня с интересом, все же его изобретение:

– Слушаем, товарищ старший лейтенант.

– Если вот здесь и здесь... – И я выложил быстро нарисованную схему. – Надо такую вот проволочку, с изгибом. А тут...

Не знаю, пошло ли оно тогда в дело, пока бумаги ходили, и война кончилась, но почему сейчас не попробовать?

– Интересно, а ведь может сработать... – задумавшись, произнес Илья Григорьевич. – Спасибо, товарищ старший лейтенант.

– Служу Советскому Союзу.

Вопрос с Левченко я решил тут же, зайдя к начальнику курсов. Сказал, что лейтенант, конечно, грамотный, только вот язык как помело. Нечего ему тут делать. Майор записал что-то у себя, поблагодарил за бдительность, и я пошел со спокойной душой.

Возле входа уже стояли Голдович и тот самый майор, который присутствовал на занятиях. Когда я представился ему и Старинову, он только кивнул и пожал мне руку. Шифруется, секретность блюдет. Сели в штабную «эмку», ждавшую нас неподалеку от входа в Дом Красной Армии, и поехали на Крещатик: именно там располагались основные объекты. Смотреть на эту улицу, которую совсем скоро мы своими руками превратим в груды развалин, было больно. Смогут ли потом построить такую красоту? Майор о чем-то разговаривал с Голдовичем, они что-то уточняли на схеме, а я просто глазел в окно. Когда такие зубры говорят, таким, как я, лучше помолчать.

Мой час наступил на Крещатике. На время я стал если не самым главным, то уж точно не с боку припека. Потому что у меня был гроссбух, в который я заносил название объекта и говорил, сколько взрывчатки, когда и откуда сюда привезут с армейских складов. Чтобы не получилось так: машина приедет, а встречать некому. Тем более что основная часть

работ будет вестись глубокой ночью.

На площади Калинина я посмотрел в сторону и как в первый раз увидел киевский небоскреб, торчавший над всей окружающей местностью. Сколько раз мимо проходил, проезжал и только сейчас подумал, что для моей задумки этот дом пригодится.

– Извините, а это здание?.. – Я кивнул на эту громаду не то одиннадцати, не то двенадцати этажей высотой.

– Дом Гинзбурга? Начали завозить взрывчатку в подвал, жителей выселили уже, – буркнул Голдович, недовольный тем, что я его прервал.

Я еле дождался, пока поездка закончится. Этот дом нужен мне!

Аркадий, увидев меня, несказанно обрадовался. Будто наконец-то встретил дорогого родственника или лучшего друга после долгой разлуки.

– Петя, зашиваюсь, с ног валюсь! Веришь, с утра только воды на бегу выпил, не жрамши и не срамши. Спасай, а то так скоро придется потратить казенные патроны, чтобы дать залп над моей могилкой! Опять этот телефон! – Он с ненавистью посмотрел на эбонитовое чудище, заливавшееся на столе.

– Я прикрою, – успокоил я Масюка. – Сходи, перекуси что-нибудь, я тут пока буду держать оборону.

Аркадий ушел, я остался в приемной. Мне бы тоже поесть не мешало, но это подождет, сейчас надо поймать Кирпоно-

са, и желательно в хорошем настроении, да чтобы у него свободного времени хотя бы минут десять образовалось. Да уж, скорее марсиане прилетят и нам придется против них обороняться, как в той книжке Уэллса, тут и войне конец.

Но чудеса все же случаются. Буквально через пару минут из кабинета командующего вышли Тупиков с начартом Парселовым, и за их спинами послышался голос Михаила Петровича:

– Не закрывайте, пусть проветрится немного.

Но предательский сквозняк вместо свежего воздуха с громким хлопком захлопнул дверь, и я пошел ее открывать.

– Здравствуйте, товарищ генерал, – поприветствовал я его макушку, смотревшую на меня.

– А, Соловьев, – поднял голову комфронта. – Что там на курсах? С Голдовичем потом всё уладили?

– На курсах все в порядке, – доложил я. – Пришлось одного списать, домой отправить, слишком язык распускал. В остальном без нареканий. Люди собрались знающие, ответственные, поставленную задачу понимают и готовы выполнить ее любой ценой. С Голдовичем практически все вопросы решаем. Только вот еще... – добавил я, увидев, как Кирпонос опускает голову к документу, который он до этого просматривал.

– Опять что-то придумал? – немного недовольно спросил Михаил Петрович.

– Да. Разрешите изложить?

– Ну, излагай уже, – вздохнул Кирпонос. – Куда от тебя денешься. Только коротко и по существу.

– Первое. Мне надо остаться в Киеве. Ну, когда... – В разговорах между собой слова «сдать Киев» старались не употреблять, будто это было плохой приметой. Даже на мою недосказанность начфронта скривился как от зубной боли. – Есть соображения.

– И что же это за соображения, что кроме тебя сделать некому? На всем Юго-Западном фронте ни одного человека не найдется? – заинтересованно спросил Михаил Петрович. Что же, удивить его мне удалось, есть шанс, что хотя бы послушает до конца.

– Крещатик будет разрушен, так?

Он кивнул, соглашаясь.

– Но немцам захочется провести парад или что-то подобное. Столицу ведь возьмут, не хутор.

И снова Кирпонос молча подтвердил мои рассуждения.

– Самое удобное место для этого после площади Калинина – место перед университетом.

– Других мест хватает, – буркнул комфронта. Эх, Михаил Петрович, не могу же я вам сказать, что не догадываюсь, а точно знаю: именно там будет немецкий парад! И очень непростой парад.

– Пути подхода, близость к центру, много факторов за это говорят, – возразил я. – Понятное дело, там все будет оцеплено, муха не пролетит. Я считаю, что на параде обязательно

должен присутствовать какой-нибудь главный немецкий генерал. Может, даже сам фон Клейст! Или еще какой туз из верхов.

– И тут ты вылезешь из канализационного люка и пифпаф, уконтрапупишь гада, – насмешливо закончил Кирпос. – Брось эти прожекты, Петр Николаевич, давай работать, чтобы не пустить Клейста в Киев.

– Не из люка, – спокойно возразил я. – Заложим фугасы, я примерно прикинул места и количество взрывчатки. Для этого мне понадобится саперный взвод и пара полуторок, имитируем ремонт водопровода, канализации, без разницы. За ночь управимся, лишний грунт вывезем, места закладки утрамбуем, через десять минут никто не скажет, что там что-то делали. А сигнал к взрыву подам я на радиомину.

– А тебе место на гостевую трибуну дадут? – спросил комфронта. – Сам говоришь, что там все оцеплено будет, а уж если какой начальник приедет, так и на километр не подберешься.

– Место у меня будет на самой лучшей трибуне, – сказал я. – На крыше дома Гинзбурга. Высота здания – метров пятьдесят, расстояние до университета – километра полтора по прямой. В бинокль или стереотрубу будет видно, когда начальники соберутся. Вот тут нам и пригодятся те самые радиоуправляемые мины, которые нам сегодня показывали. Ну и тротил с армейских складов. Дайте команду выдать побольше. Я и снарядами к гаубицам возьму.

Кирпонос задумался, покачал головой.

– А что вы вообще там минируете? Дай схему...

Я протянул комфронта документы, пояснил:

– Дома на Крещатике, кинотеатр и комендатуру, само собой мосты через Днепр: железнодорожный, Дарницкий, деревянный Наводницкий и мост имени Евгении Бош.

– А ты хочешь еще заложить фугасы на площади...

– Хочу.

– Ну, допустим. Тебе-то зачем оставаться? В городе будут действовать группы ОМСБОН НКВД – Берия уже мне телеграфировал. Они все исполнят.

– Для надежности. А ну кто сдаст схему минирования?

– Нет, я уверен, что мы удержим Киев. Незачем это все. Снаряды нужны УРам..

Хоть в лоб, хоть по лбу. Я чуть не вспылел, едва сдержал ругательства.

– А если под мостовой рванет? На площади? Детонация – и фьють... – Комфронта крутил документы в руках. – Погибнут простые жители. Нет, я не могу отдать такой приказ.

– УРы бы тоже надо заминировать... – невпопад ответил я, пожал плечами. – Разрешите идти?

– Подожди!

Кирпонос закричал, отпил остывшего чая из стакана. Сомневается.

– Место минирования на площади огородим, дескать идут строительные работы – никто не подойдет, никакой детона-

ции не будет. Все сделаем аккуратно – комар носу не подточит. – Я решил все-таки попробовать сходить в последнюю атаку на комфронта. – У футболистов есть такая поговорка. Доиграем в раздевалке.

– Это как? – Кирпонос заинтересовался.

– А вот так. Если не получается на поле, а ставки высоки...

– Расшифруй.

– Нанести немцам максимальный урон. Ну а если не удержим Конотоп, и Гудериан прорвется? Вдарим как следует в Киеве. По их верхушке.

Генерал забарабанил пальцами по столу, потом тяжело вздохнул.

– Ладно, под мою ответственность. Напечатай распоряжения по складам, подпишу. Роту саперов я тебе тоже выделяю. Все, иди, работай.

* * *

Я, повеселевший, рванул готовить документы, а тут в приемную осторожно заглянул Ильяз, улыбнулся. В его руках был сверток, в котором, судя по форме, лежала бутылка. Младлей смущенно улыбнулся, произнес:

– Бетр Николаевиц, есть минутка?

Смотри-ка... И отчество знает. Мы вышли в коридор, Ахметшин протянул мне авоську. В бумаге была бутылка

«Хванчкары».

– Любимое вино товарища Сталина. И сбасибо, что вытащил меня с губы.

– Саперы своим помогать должны... – Я посмотрел этикетку, выпуск прошлого, довоенного года. – А разве Сталин не «Киндзмараули» любит? Ты сам-то какими судьбами здесь оказался? – Я решил пока не раскрывать карты, послушаем, что он скажет.

– Да вот, откомандировали меня сюда, а зачем, не сказали. Жду вот, в тринадцатый кабинет, там пока нет никого, дай, думаю, зайду. А то потом закрутится, мог бы не успеть.

Мы немного поболтали о том о сем. Ильяз оказался весьма подкован в делах штаба, разузнал про меня почти все. На орден посматривал с легкой завистью, заглядывал в глаза. И я решил больше не тянуть кота за что-то сзади.

– Меня прикомандировали к непростым москвичам, что приехали в город. Будем минировать важные объекты. Хочешь быть при мне?

– Очень хочу, товарищ старший лейтенант! Но надо закончить в этом тринадцатом кабинете...

– Не переживай, там все хорошо будет.

В тринадцатом кабинете вопрос решили быстро. Мы же в управлении фронта работаем или кто мы такие?

Тут завывла сирена воздушной тревоги. Нас опять начали бомбить – спустились в бомбоубежище.

И сразу оказались на «командно-штабном учении». Гене-

ралы и полковники спорили, как лучше остановить Гудермана. Выдвигались самые смелые идеи, военачальники краснелись, дошли до стадии «а я вот сейчас буду звонить в Ставку», «а вот товарищ Сталин сказал на съезде...».

Я уселся на табуретке, откинулся к стене. Закрыл глаза и попытался подремать немного.

Ко мне подвалил Масюк, прошептал:

– Петь, я у тебя бутылку «Хванчкары» видел...

Вот глазастый! Заметил, как я перекладывал добычу.

– Подарок или что?

– Взятка.

– Ага, я так и думал. Слушай, тут в соседнем крыле связистки сидят. Есть симпотные.

– На что ты намекаешь?

– Сходим, проведем. Проведем разведку боем. Я вон гитару взял, когда ревун в штабе заорал. – Аркаша показал мне инструмент.

– Умеешь играть?

– А то! С меня музыкальное сопровождение, с тебя вино и рассказы про героические подвиги.

– Да они там работают!

– Связь поддерживают две девчонки. Еще две в смене про запас, в комнате рядом.

– Аркаш, я женат вообще-то.

– Да она и не узнает!

– Не пойду.

– Ну, пожалуйста! Побудешь просто для вида, потом сможешь.

Я представил себе дальнейшее, заржал. Да так, что генералы оглянулись на нас, цыкнули.

– А потянешь двоих-то? – Пришлось перейти на шепот.

– Ты сомневаешься? – Масюк подтянул ремень, поправил гимнастерку.

Я был на сто процентов уверен, что наглому адъютанту ничего не обломится, но стало даже интересно.

– Ну пошли, дон Жуан.

– Это кто еще такой? Из интербригад товарищ?

Я опять чуть не подавился от смеха.

Глава 5

Связистки были довольно-таки симпатичные. Стройные, фигуристые. Одна блондинка, с волосами настолько светлыми, что они казались выкрашенными белой краской, вторая брюнетка. Лет по двадцать пять, не больше. Аркаша, видать, вокруг них давно хороводы водил, потому что прошел, сел по-свойски, не спрашивая разрешения, и представил меня:

– А это, девчата, мой товарищ, Петя Соловьев. Настоящий герой, Кирпоноса нашего спас.

Девушки с любопытством на меня посмотрели.

– А это вот Надя и Люба, – представил их Аркадий.

– А мы вас немножко уже знаем, – улыбаясь, сказала Люба, круглолицая блондинка с одинокой полоской ефрейтора на петлицах. – Вы всегда такой серьезный, прям страшно становится. – И она захохотала, прижимаясь к плечу своей подруги, темноволосой Нади. Та была сержантом, наверное, поэтому вела себя немного посерьезнее. – Помнишь, мы хотели Петра Николаевича с орденом поздравить, а потом испугались и убежали? – Люба опять захохотала.

– Товарищ старший лейтенант, не обращайтесь на нее внимания, она у нас ужасно несобранная. Хохотушка, просто страсть какая-то! Мы тут такими вещами занимаемся, можно сказать, на нашем узле связи все управление держится, а она, знай себе посмеивается. И ничего мы тогда не испуга-

лись, просто вас вызвали куда-то.

– Хватит тебе, Надя, бурчишь как старуха столетняя, – улыбнулась Люба, поправляя выпавшую из-за уха прядь волос. – Давай попросим лучше товарища старшего лейтенанта спеть. У нас и гитара имеется.

– Так и мы с собой принесли, – показал на инструмент Масюк.

– Это у вас, товарищ Масюк, не гитара, а одно название, – заметила Надя. – Наверное, там гриф на веревке держится, чтобы не отпал случайно.

Скорее всего, в словах девушки было зерно правды, потому что Аркаша как-то потихоньку отодвинул свою гитару в сторону.

– Ну, давайте ваш инструмент, если он лучше нашего, – решил я спасти своего друга. А то застыдят девчата, потеряет авторитет.

Надя принесла гитару. Я сел поудобнее, провел рукой по струнам. Хм, а тут все по-настоящему, видать, кто-то занимается: и струны новые, и настроен инструмент как следует. Находят же время люди!

Я не стал ломаться и изображать из себя великого артиста, которого надо уговаривать выступить. Пришел петь – так пой, если умеешь. Кашлянув, чтобы прочистить горло, я начал. Новых, еще не слышанных здесь песен, решил не показывать: зачем выделяться, давать повод для ненужных вопросов? Я и довоенных вещей достаточно знаю, на всех хва-

тит. Так что в ход пошли и «Как много девушек хороших...», и про сердце, которому так хочется любить, и про утомленное солнце. Даже про свидание у аптеки изобразил.

Смотрю, Масюк на почве любви к искусству уже присоседился между девчатами, то одной на ушко что-то пошепчет, то другой.

Открыли бутылку, разлили по стаканам. Связистки притащили немудреную закуску – ливерную колбасу, черный хлеб, пару помидоров. Под такую еду, конечно, сам бог велел беленькую, но и грузинское вино пошло на ура. Только быстро кончилось.

Девушки покраснелись, начали о чем-то перешептываться. Делят нас, что ли?

– Старик, не ломай компанию, – тоже зашептал мне на ухо Масюк. – Уступаю тебе Любку.

Блондинку отдал. Щедрый.

– Давай, теперь ты нам спой. – Я передал гитару товарищу.

И тот спел. Голос у Аркаши оказался хорошо поставленным, и вдарил он по романсам. «А помнишь, как, бывало...», «Гори, гори, моя звезда...». Девчонки поплыли. Глаза заблестели, дыхание участилось. Тут я понял – дадут.

И что мне делать? Впору самому петь «Не искушай».

– Товарищ лейтенант, проводите в курилку, – первая решилась Люба, обращаясь ко мне.

Я встал, поправил гимнастерку. Сверху раздавались взрывы, бомбоубежище временами неплохо потряхивало. Роман-

тика!

Мы вышли в курилку, я зажег спичку. Блондинка ловко затянулась, прикрыла глаза.

– Петя, а ты ведь женат?

– Как ты поняла? – удивился я.

– Ну ты и тупой, – засмеялась Люба. – У тебя кольцо на пальце.

И правда. Постоянно про него забываю: не привык еще.

– Ладно, я с женатыми не кручу любовь: потом все плохо заканчивается.

Я покивал, облегченно вздохнул. Пронесло. Мужчине отказать женщине, да еще привлекательной, намного сложнее, чем наоборот. А предавать Веру мне совсем не хотелось.

– Давай подождем полчаса. – Люба потушила папиросу в банке из-под консервов. – Думаю, ваш бравый адъютант и быстрее управится.

Довольный Аркаша появился через двадцать минут. Выглядел словно объевшийся сметаны кот.

– А вы тут чего ласы точите? – удивился лейтенант, подмигнул мне: мол, давай, не тяни.

– Пойду вздремну, – сказал я, протягивая Любе руку, прощаясь. – Устал я сегодня.

Масюк еще где-то блуждал, а я пошел в каморку, которую нам с Аркашей выделил комендант бомбоубежища.

Штаб 37-й армии был совсем рядом, километра три с небольшим гаком, минут сорок прогулочным шагом. Командный пункт организовали на открытой террасе над шестым этажом гостиницы «Прага». А Власов занимал номер на четвертом. Все это я выяснил быстро, просто поднявшись вместе с командующим наверх. И повод был хороший – Голдович. Надо мне с ним про дом Гинзбурга переговорить.

Я перед этим подумал: а почему я раньше Власова не видел? И, повспоминав, понял – только из-за своей лени. Когда мы с Кирпоносом сюда приезжали, я просто отсыпался в машине, здраво рассуждая, что был бы нужен, то позвали бы. Вот так и ходили мимо друг друга. Фамилию я его, понятное дело, в документах встречал, и часто, командарм все же, но подумать, что это и есть тот самый, ну никак не мог. Оттого и спал спокойнее.

Ведь и не поделишься этим ни с кем, не поверят. Сейчас он и вправду герой, без балды. По крайней мере, первый штурм немцев тридцать седьмая отбивала. И судя по донесениям, фашистам эти бои обошлись чуть ли не в сто тысяч боевыми потерями. Даже если на два делить, и то до хренища получается.

И вякни я кому, что вот такой замечательный парень, орденосец и любимец вождя, через год положит вторую

ударную и пойдет служить немцам верой и правдой, – пристрелят, не задумываясь. Так что только сам, никого не привлекая, и чтобы никто даже подумать не мог бы. Лучше всего, конечно, чтобы никто не заподозрил ничего. Так, несчастный случай. Споткнулся, упал и на ножик наделся. Восемь раз подряд. Спиной. На крайняк можно и бабах устроить. Гранату к двери привязать, например. Открыл дверь, а тут тебе под ноги «лимонка». И собирай кусочки по окрестностям. Или под кровать прицепить пару кило тротила: лег человек спать, а тут часа в три ночи его взрывной волной на улицу полетать выносит.

Одно только и останавливает: номер на четвертом этаже заперт, и хоть часового у двери нет, но крутится народ поблизости. Но это все – результат одного посещения, несколько минут всего. Я смог пройти на этот четвертый этаж, меня никто не остановил, только через пару минут спросили, кого я ищу. Я буркнул, что промахнулся с этажом, и пробежавший мимо капитан потерял ко мне всякий интерес.

Тут где-то на лестнице я услышал Голдовича и поспешил к нему. Он махнул мне рукой, не останавливаясь, и через минуту мы оказались у него в кабинете.

– Говори, что хотел, – сказал он вместо приветствия. – Времени мало, мне на позиции сейчас ехать, что-то с мостами начудили. Как же оно все надоело, криворукие эти... – махнул он рукой. – Лучше бы я в своем четвертом корпусе остался.

– Александр Иванович, я насчет дома Гинзбурга. – Я решил не тянуть. – Отдайте его мне!

– Для чего? Его мы будем готовить к взрыву в последнюю очередь...

– Я там тайный штаб организую. Очень удобно наблюдать за окрестностями.

Голдович задумался, забарабанил пальцами по столу.

– Что-то в этом есть... – Голдович пошел, открыл соседний кабинет: – Борисов!

Навстречу поднялся плотный майор.

– Это Соловьев, адъютант комфронта, он забирает у нас дом Гинзбурга, – выпалил скороговоркой Голдович. – Подготовь приказ и документацию, я сейчас чего-нибудь перехвачу и подпишу. Да! Соловьев! Чтобы остатки взрывчатки нашей вернул до последнего грамма! Я проверю потом!

* * *

Майор Борисов не поленился поехать со мной на объект и самолично показал, где и что сделано, сверяясь со схемой.

Оказалось, что небоскреб уже вчерне подготовили к взрыву: в несущих стенах сделали отверстия для толковых шашек, провели и даже заштукатурили провода.

Приемка и сдача прошли на пыльном подоконнике площадки между первым и вторым этажом. Мы пожали руки, и он уехал. А я снова спустился в подвал, гремя связкой клю-

чей. Надо договориться о смене часовых, провести телефон, да и вообще, обустроиться здесь. Сейчас, когда жильцов выселили, пустая громадина изнутри казалась еще больше, чем снаружи.

Я еще походил немного, посмотрел, потом взял папку с документами и поехал в управление фронта.

* * *

Ильяз без дела не сидел. Понятно, что заняться саперу всегда есть чем, но этот парень, казалось, взваливал на себя всю работу, какую только видел. Увидев меня, вылезающего из «эмки», он подбежал и начал докладывать о ходе подготовки к «ремонтным работам» возле университета. Лейтенант высыпал на меня столько подробностей, что я не выдержал и просто просил:

– Ты мне скажи: все готово?

– Так я же говорил с самого начала, что готово, – торопливо ответил он. – Выезжаем в восемь вечера. Ограждение устанавливать двадцать минут, тут же нащинаем вскрывать боккрытие, укладка зарядов на бервом ущастке...

– Ты, наверное, забыл, что мы вместе составляли план, – хлопнул я его по плечу. – Садись пока, съездим еще на один объект, посмотрим фронт работ.

Младший лейтенант на небоскреб взирал с восхищением. Даже рот приоткрыл от восторга. Конечно, если впервые ви-

дишь вблизи такое чудо, впечатляет.

– Взрывать будем? – почему-то шепотом спросил Ильяз.

– Обязательно будем, но не сразу, – ответил я. – Слушай, Ахметшин, я тебе сейчас скажу такое, после чего дороги назад не будет. Готов?

Я не стал нести пургу насчет того, что, возможно, мы все погибнем в этом деле, и уж тем более не начал давить парня словами про Родину, народ и прочее из той же оперы. Это пускай политруки вещают, их на это дело выучили и поставили. А такие парни, как Ильяз, уже давно поняли, что погибнуть в это время можно запросто, тут главное, чтобы твоя смерть была не напрасной. И были к этому готовы.

– Да, товарищ старший лейтенант, – кивнул он.

– Ну, тогда пойдем.

Около дома уже выставили часовых: в подвал-то завезли больше тонны взрывчатки, ну и чтобы в поисках дармовщинки никто не залез в дом. Мало кто об этом знает, но зачем рисковать? Подвал я, конечно, Ильязу показал, сказав, что тут потом разберемся. Он уважительно посмотрел на штабели ящиков с взрывчаткой, подумав, наверное, каким может быть дело, которое главнее вот такого?

Я молча вышел из подвала, запер замок и поднялся к лифту, который, как ни странно, продолжал работать. Ахметшин, понимая, что вот сейчас он и узнает ту самую тайну, молча шел за мной, не отставая ни на шаг, и мы проехали на последний этаж.

Сначала я немного промахнулся и пошел не в ту сторону, но, выглянув из слухового окна, сообразил, что нам надо напротив. Этот выход на крышу был заколочен досками, но так, для порядка; дернув пару раз с двух сторон, мы с Ильязом эту преграду устранили.

– Ну что, полезли? – сказал я, выглянув на крышу, подтянулся и начал выбираться наружу. Вдруг почувствовал, что мне в бедро впилось что-то острое. Гвоздик, наверное. Не хватало еще галифе порвать и заодно ногу поранить. Спрыгнул назад и посмотрел. Точно, гвоздик. Ржавый уже, зараза. Достал из кармана перочинный нож, начал загибать помеху рукояткой, тут гвоздь и сломался.

– Я ботом все броsmотрю, убегу, – подал голос Ильяз.

Я кивнул и на этот раз вылез на крышу без помех. Через десяток секунд рядом со мной стоял младший лейтенант. Сначала он просто огляделся, потом посмотрел в ту же сторону, где саперы уже ковыряли мостовую. Сразу догадался:

– Это мы? Будем там взрывать? Щто?

– Парад фашистский. Много всяких немецких сволочей соберется.

– Вот это да... – оценил размах моего замысла Ильяз.

Перед нами открывался вид всего Киева. Город был как на ладони.

– Ладно, работа нам предстоит очень большая. Смотри, во-первых, нужно место (лучше здесь, на чердаке) чтобы там можно было укрыться. Наблюдательный пункт, понима-

ешь? – Я подождал, пока Ахметшин достанет из кармана блокнотик и огрызок карандаша, и продолжил: – Проведешь наверх телефон, поставишь стереотрубу и рацию. Возьмешь их у Хуснутдинова. Знаешь завхоза штаба?

– Да, земляк мой. Блохой щеловек...

– Это почему? – удивился я.

– Как я попал на губу, его бросили помощь. Не бомог.

– Ясно. – Я задумался. Нам нужны были какие-то пути отхода с наблюдательного пункта. – Вот что. Поищи тут воздушные шахты. Лестницы и лифты легко блокировать, а нам... Если надо рубить стены и перекрытия, не вижу препятствий. Как найдешь, пробрось там канал.

– Бетр Николаевич, сколько щеловек можно бривлечь для выболнения задания? – спросил Ильяз. – Я сам быстро не справлюсь, извините...

– Сколько надо, столько и бери. Но не больше, чем надо.

– Думаю, троих хватит, – сказал младший лейтенант. – Бостараемся за неделю убравиться.

– Ладно, я поеду, ты пока здесь походи, посмотри, прикинь, что к чему. Посидим потом, подумаем вместе. Хорошо бы на чердаке туалет организовать да какую-нибудь кухню. Керосину принесем потом, воду. Нам тут долго куковать придется.

Операция по минированию площади перед университетом прошла как по писаному. Быстро разгрузили и установили козлы, натянули веревку с красными флажками. Сняли брусчатку, аккуратно сложив ее в сторону, вынули грунт. На место грунта, большей частью песочка со щебнем, уложили взрывчатку. Радиомину устанавливал я сам, никому не доверив столь важное дело, благо Старинов и его помощники меня хорошо проинструктировали. Аккуратно уложив в нужном порядке все детали, я полюбовался на дело своих рук и начал потихоньку засыпать яму. Грунт тщательно утрамбовали, после чего мы переместились на новое место. Здесь остались только те, кто занялся гидроизоляцией, укладкой на место брусчатки и маскировкой.

В последнюю яму поверх мины я положил звездочку. Простую, жестяную, я снял ее с пилотки Оганесяна, когда его увезли раненого. Машина с мехводом уже уехала, и тут я заметил его головной убор. Пилотка лежала возле моих ног в траве. Я нагнулся, поднял ее. И зачем-то снял и положил в карман эту звездочку. Так она с тех пор и была со мной. Спроси меня кто, зачем я ее с собой таскаю, ответить не смог бы. А сейчас подумал, что самое время ей вернуться в бой. Достал из кармана, дунул, освобождая от несуществующих крошек, положил ее сверху на мину и аккуратно присыпал

песочком. Давай, Оганесян, повоюй еще вместе со мной.

* * *

Военный Киев все больше пустел. Вывоз предприятий закончился, пошла массовая эвакуация населения. По ночам, когда стихали бомбежки и налеты, целые колонны киевлян уходили в сторону вокзала. Перестал ездить общественный транспорт, а на улицах появилось еще больше патрулей. Ловили мародеров, которых вдруг стало много, да наводчиков, что сигналили бомберам. Насчет последних в городе была целая истерия. Все только и говорили про немецких шпионов.

Пока я шел по улицам, у меня трижды проверяли документы. Причем патрули действовали профессионально: брали в коробочку, винтовки держали, направив на ноги. Кто-то явно хорошо их проинструктировал перед выходом на маршруты.

В штабе меня обрадовали новостью:

– Петр, едешь с колонной танкового батальона в Конотоп. – Кирпонос был деловит, одновременно говорил по телефону и со мной. – Проверишь, как там заминировали мосты через... черт, из головы вылетело... – Генерал пошелеstel документами. – Ага, Сейм. Нет у меня уверенности в местных саперах.

– Товарищ генерал! – взмолился я. – У меня же тут дел

по горло.

– Ничего, ничего... Все заняты, не ты один. Пару дней там – и обратно.

– А долго туда ехать?

– Часов десять. – Комфронта начал сердиться. – Я тебе что, справочная? Две с половиной сотни километров. Все, иди, не отсвечивай, дел и вправду по самые ноздри.

Я вышел из кабинета и сел за стол в приемной. Ехать две с половиной сотни километров с танковой колонной – это двое суток при самом хорошем раскладе. Скорость колонны километров пятнадцать в час в лучшем случае. Плюс заправка. Прием пищи, отдых танкистам. И ломается кто-нибудь обязательно. А другие заедут не туда. Штурмовки немцев... Двое суток – это я, пожалуй, даже мало взял на такой поход. И это только в одну сторону! Да там в лучшем случае день. И назад сколько же. Четверо суток при самом благоприятном раскладе! Такое, братцы, только в книжках бывает, да еще в головах больших руководителей, которые повсюду исключительно по карте передвигаются, не выходя из уютного кабинета.

Ладно, это я уже напраслину возвожу. Кирпонос, бывает, днями из машины не вылезает. Нет такой части, где он не побывал бы. И ведь не ездит, как некоторые, чтобы только поорать на подчиненных и слюной в их застывшие лица при этом побрызгать. Нет, комфронта считает своим долгом во всем на месте разобраться, всех выслушать, свою точку зре-

ния донести. Ладно, частенько бывает, что до подчиненных его мнение доводится без всяких обсуждений и споров. Русским командным... Для экономии времени.

Но сейчас я еду сам, а потому надо искать другой способ добраться до Конотопа. Похожу по штабу, изучу возможности. Смотришь, и выяснится, что туда (или почти туда) едут какие-нибудь интенданты. Или связисты. Или даже особысты. Адъютанта командующего никто не откажется подвезти до нужного места. Может, без особой радости, но возьмут. Командировочное удостоверение я себе выписал, в строевом отделении все нужные бумаги оформили, я даже соскучиться не успел. Там же ребята и подсказали, что в ту же сторону выдвигаются связисты по какой-то надобности. За что им большое спасибо.

Сходил на пункт связи, дал телеграмму Вере. Так, мол, и так, пару-тройку дней связи не будет. Надеюсь, в Конотопе я найду возможность связаться с Москвой.

– Что, Петя, упустил свой шанс? – спросила меня дежурившая сегодня Надя. Та, которая брюнетка и теперь, выходит, новая подружка Аркаши.

Это она про Любу?

– Нам жизнь всегда подарит шанс, – процитировал я одного восточного поэта. – Кого любить, кого нам ненавидеть дружно. И главное, поверьте мне – не спутать реверанс, чтобы не кланяться тому, кому не нужно.

– Да ты прям кладезь талантов, – усмехнулась Надя. – Все,

телеграмма ушла, завтра жди ответа от своей благоверной.

– Завтра не получится. Днями зайду, заберу, – уточнил я. – Слушай, а у вас с Масюком серьезно или так? Имей в виду, у Аркаши еще ветер в голове.

– А ты у нас мужчина серьезный, видный, – засмеялась связистка. – Иди, Соловьев, не задерживай. Видишь, сколько работы еще? – И она показала на стол, заваленный телеграфными лентами.

А буквально через час я уже трясся в кузове полуторки, куда меня определил капитан Костя Внуков. В углу, завернувшись в шинельку, спал какой-то сын степей, не обращая внимания на тряску и рывки машины. Настоящий боец: спит в любом положении, даже на ходу. Смех смехом, а на марше частенько случается, что кто-то засыпает от усталости, и тогда только поддержка товарищей спасает такого засоню от падения. Я тоже расстелил плащ-палатку и лег, надеясь, что меня не придавит бухтой кабеля, которая казалась мне не очень надежно привязанной к бортам.

Один раз мы свернули с дороги часа через три, не доезжая Нежина, когда водитель заметил пару «мессеров». Но видать, мы немцам были не интересны, и они промчались над полуторкой, не обратив на нас внимания. Только зря пыль на обочине глотали. Боец поступил мудрее всех, даже не проснувшись. Второй раз мы остановились на перекур уже за Нежином, заехав под деревья. Водитель, видать, ездил по этому маршруту уже не в первый раз, потому что старался

ехать в стороне от забитых войсками и беженцами дорог.

Мой сосед снова что-то пробормотал и, довольно долго проворочавшись, выпутался из шинели. Младший сержант, связист. Киргиз, наверное. Везет мне на нацменов. Глаза у него и от природы узкие, а тут еще после сна... Он потер их руками и наконец-то заметил меня.

– Извините, товарищ старший лейтенант, – сон с него слетел чуть ли не мгновенно, – двое суток не спали. Как залез в кузов, сразу отрубил.

Я покачал головой. Зашли бы на нас те немчики на «мессерах» – срубило бы по-настоящему. Фашистской пулей и бомбой.

– Ладно, сержант, пойдем перекусим, а то пока до места доберемся, кишка кишке дули крутить начнет.

Я вылез из кузова. Сделал я это чуточку медленнее, чем когда мы прятались от немецких самолетов. А что? Сейчас уже можно и посмотреть, куда ногу ставить. Возле машины хлопотали обитатели кабины: капитан-связист Константин и водитель-рядовой, которого мне не представили. На расстеленную плащ-палатку они положили газетку («Красная звезда» за 21 августа) и начали выкладывать нехитрую снедь. Я тоже поучаствовал куском конской колбасы и банкой тушенки, достав их из сидора.

– Исмаилов! – крикнул Внуков.

– Я здесь, товарищ капитан, – совсем не по-уставному ответил мой сосед, выглядывая из кузова. – Сейчас спущусь.

– Ты что же, думаешь, я за тебя тут впахивать буду? Шелкись уже, – прикрикнул Костя и продолжил, обращаясь ко мне: – Вот же дали лодыря, сущее наказание! Небось, рассказывал, что три дня не спал?

– Только два, – честно ответил я.

– Что-то он сегодня продешевил, – хмыкнул капитан. – Спит как сурок. Я думал как-нибудь поставить опыт и посмотреть, сколько он будет дрыхнуть, если его совсем не будить. Но сам понимаешь, не до экспериментов.

Он что-то еще рассказывал про лодырные подвиги хитрого Исмаилова, который тут же рядом уже открывал банку с тушенкой, пока водитель раскладывал подвявшие помидоры и чистил головку красноватого лука; я же рассеянно смотрел на левый нижний угол газеты, где было напечатано обращение секретаря Авиационной лиги Британской империи, какого-то Тейлора. Вдруг где-то вверху раздался свист, капитан крикнул: «Воздух!», я успел распластаться на траве и прикрыть голову руками.

А потом время потянулось очень медленно, и я увидел, как буквально в десятке метров от нас на обочину не спеша падает бомба, черная, как ночь, и зарывается в придорожную траву. Я даже успел подумать, что это, скорее всего, пятидесятикилограммовая осколочная и нам мало не покажется. Сейчас от этой дуры, после того, как она разорвется, полетят во все стороны мелкие железные кусочки метров на сто. И чтобы это не видеть, я зажмурил глаза, решив прожить по-

следнюю секунду своей жизни в уютной темноте.

Глава 6

Прошла секунда, вторая, а я все еще жив. Не разорвалась, что ли? Я потихоньку открыл глаз, будто такое мизерное действие могло что-то изменить. Слева от меня так и стояла наша полуторка, справа обзор закрывал каблук Костиного сапога. И бомба здесь, с нами, зарылась по самое некуда, только торчат из земли черные кончики стабилизаторов. Где-то за моей спиной что-то бормотал Исмаилов, наверное, молился, то и дело повторяя «иншалла».

– Ну что, товарищи, подъем, – сказал я, встав на ноги и отряхивая с колен налипшие сухие травинки. – Наши похороны откладываются.

Внуков тоже начал подниматься.

– А бомба? – спросил он.

– А что бомба? – ответил я в лучших традициях города Одессы и показал на виновницу нашего перепуга. – Вон она, из травы торчит.

Капитан как-то очень быстро сместился в сторону, так что между ним и источником опасности оказалась полуторка.

– Исмаилов, хватит бубнеть! – прикрикнул Константин. – Вылезай из травы, а то заснешь!

Пока сын степей шуршал, поднимаясь на ноги, я потихоньку подошел к месту падения. Из земли торчали все четыре стабилизатора, на одном из них даже был виден участок

чуть больше пятака величиной, на котором облупилась краска от красной полосы, и почти половина корпуса. Вблизи он оказался не черным, как показалось сначала, а темно-зеленым. Глубоко зарылась, видать, на металлическом кольце, которое не должно дать войти в грунт, решили сэкономить.

– Эй, боец, – позвал я. – Тащи мне плащ-палатку и лопатку. Будем бомбу доставать.

– Так я это, – водитель бросился к кабине, – машину отгоню.

– Тебя как зовут? – спросил я, когда он уже потянулся к дверце.

– Семен, – отозвался шофер.

– Ты, Сеня, совсем дурак или притворяешься только? – поинтересовался я. – Это хорошо, если взрыватель испортили антифашисты и перед нами обычная железяка с взрывчаткой внутри. А если он просто по какой-то причине не дошел совсем немного? А ты сейчас дернешь машину, и он сработает? Как думаешь, что тогда будет?

У водилы моментально отвисла челюсть, а лицо сильно побледнело. До него наконец-то дошло, что еще ничего не закончилось и самый лучший выход – убраться из этого места подальше. Что он и сделал, не медля ни секунды. До чего же быстро умеют иногда перемещаться люди!

– У нас в кабине ценный груз, – подал голос из-за машины Костя. – Надо бы постараться его сберечь...

– И что вы там везете? – любопытствовал я. – Пленного

Гудериана?

– Хуже, – грустно сказал Внуков. – Денежное довольствие на целую дивизию. Сумасшедшая сумма.

– Ладно, за десять процентов я готов обеспечить сохранность ценного груза, – предложил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.